

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вольф БЕЛОВ

БЕЛЬФЕДДОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Вольф Александрович Белов
Бельфеддор
Серия «Бельфеддор», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171629
Бельфеддор: Издательство АЛЬФА-КНИГА; 2008
ISBN 978-5-9922-020*

Аннотация

Он – раб, родившийся глухонемым ущербным калекой, он не ведает своего рода и племени. В жилах этого человека течет смертельный яд, сжигающий его изнутри.

Он – древний демон, воинственный и кровожадный, коварный и жестокий, водивший за собой целые народы на поле брани, возвеличенный людьми, как бог войны, и ими же низвергнутый в годы отчаяния. Он лишен своего тела, и не в его власти более оставаться в мире живых.

Каждый из них обречен на смерть, но человек принял демона в свое сердце, и оба получили новую жизнь. В час, когда над миром возшла Тень и древние царства обратились в прах, на защиту справедливости встал Бельфеддор.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вольф Белов

Бельфеддор

*Милой сестренке
Настеньке посвящается!*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ НА ДВОИХ

Копыта гиппарионов¹ и волов гулко стучали по утопанному грунту лесной дороги, поскрипывали колеса кибиток. Большой торговый караван ногарского купца Ксеттоса возвращался из дальних странствий в родной Отоммосо. Сундуки ломились от золотых и серебряных самородков, вырученных за меха, вина и зерно в предгорьях полуночных гор и степях Хингары, повозки были забиты тюками с тончайшими ардонайскими тканями, мешками и амфорами со специями и пряностями из Каттана и Акатании.

Паланкин, в котором восседал сам Ксеттос, мерно покачивался на плечах дюжих носильщиков-рабов. Рядом шагал босоногий смуглолицый парень лет двадцати, верный раб купца, преданный ему душой и телом. Раб заметно прихрамывал, его левая нога была чуть короче правой. Это был не единственный его физический недостаток: парень ничего не слышал и не мог говорить, ибо родился глухонемым. Только один купец умел разговаривать с ним – он отлично понимал все жесты глухонемого, тот же, в свою очередь, понимал все приказы хозяина и исполнял их в точности.

К паланкину подъехал верхом на буланом гиппарионе начальник стражи, оттеснив глухонемого раба. Начищенная бронза доспехов всадника отражала последние лучи заходящего солнца, слепя глаза.

– Не пора ли нам встать лагерем, хозяин? – осведомился начальник стражи. – Мы все равно не успеем к Абатуру до темноты.

– Ты прав, Омминос, – нехотя согласился купец.

Ксеттосу вовсе не улыбалось заночевать среди враждебных человеку лесных дебрей, но выбирать не приходилось.

– Подыщи подходящее место для ночевки, – распорядился он.

– Чуть дальше по дороге есть большая поляна в лесу, – сообщил Омминос. – В свое время я останавливался там. Но нам придется свернуть.

– Хорошо, – согласился Ксеттос. – Веди нас туда.

Омминос кивнул и, прищипорив гиппариона, помчался в голову каравана. Глухонемой раб снова занял свое место рядом с паланкином хозяина. Ксеттос взглянул на раба, мрачно вздохнул и задернул шелковую занавеску. Глухонемой отлично понимал, какие думы тяготят его господина. Несмотря на то, что купец получил определенную прибыль, в целом нынешний поход оказался на редкость неудачным – слишком много животных, людей и товаров было потеряно в пути. В довершение всего сейчас каравану приходилось двигаться по неизвестной Ксеттосу дороге, и это очень беспокоило купца.

Путь для каравана выбрал Омминос. У Ксеттоса не было причин не доверять Омминосу, но он предпочел бы видеть во главе своей стражи прежнего начальника. К сожалению,

¹ Гиппарион – древнее животное, предок современной лошади.

тот старый проверенный воин погиб от кинжалов ночных головорезов в Отоммосо незадолго до отправления каравана. Омминоса купцу порекомендовала его племянница Тинейя.

Между тем караван свернул с накатанной дороги, и кибитки затряслись по ухабам малоезженной лесной тропы. Лес еще теснее обжал путешественников с двух сторон. Но через некоторое время его стены расступились, выпустив караван на обширную поляну. Ее утоптанность свидетельствовала о том, что здесь действительно часто останавливались большие отряды.

– Стой! – громогласно скомандовал Омминос.

Возницы натянули поводья и принялись распрягать волов. Носильщики опустили паланкин своего господина на землю. Ксеттос откинул шелковую занавеску и выбрался из носилок, с удовольствием разминая одеревеневшие конечности. К нему подъехал Омминос и спешился.

– Честно говоря, я предпочел бы заночевать в степи, – сказал ему Ксеттос. – Но в нашем положении выбирать не приходится. Прикажи людям, чтобы разбивали лагерь.

Омминос принялся отдавать приказы, поторапливая слуг и щедро раздавая подзатыльники рабам. Люди захлопотали, разбивая шатры и палатки, разводя костры. Омминос самостоятельно расставил несколько постов по периметру лагеря и отправил несколько человек с бурдюками к роднику за свежей водой.

Глухонемой приготовил хозяину удобное ложе в шатре, принес вина, затем отправился помогать Октосу, личному повару Ксеттоса. Не забыл он позаботиться и о Мраке, могучем вороном гиппарионе хозяина. Купец, наверное, никого не любил больше, чем своего жеребца, и брал гиппариона с собой во все путешествия, хотя предпочитал передвигаться в паланкине. Мрак отвечал хозяину взаимностью, на всех же прочих смотрел с неукротимой злобой, издавая странные горловые звуки, похожие на рычание. И слуги, и рабы опасались злобного жеребца, считали его дьявольским существом. Исключение Мрак делал только для глухонемого: почему-то лишь к этому убогому парню он питал явную симпатию.

Стемнело очень быстро. Погонщики, наемные слуги и рабы сгрудились у костров, на всякий случай держа под руками ножи. Глухие дебри полуночных² лесов таили немало опасностей даже для такого большого каравана. Никто из караванщиков еще никогда не забирался так далеко на полуночь, и всех мучила тревога, мешая отдалиться спокойному сну. Один лишь Омминос бывал ранее в здешних краях. Но хоть начальник стражи и утверждал, что опасаться нечего, его слова мало кого успокаивали. Слишком часто на постоянных дворах рассказывали жуткие истории о набегах варварских дружин, являвшихся с полуночи, преимущественно арамеев и хошимов. Отчаянные головорезы, буруеваемые жаждой легкой наживы, нередко покидали земли своих племен и, сбиваясь в большие отряды, вторгались в пределы Ногарской империи.

Кроме разбойников лес таил под своим зеленым покровом и другие опасности. Если костры и присутствие множества людей могли отпугнуть лесных хищников, то демонов и прочую нечисть они, наоборот, притягивали.

Но понемногу лагерь погрузился в сон, чуткий и тревожный. Лишь стражи бодрствовали на своих постах.

Глухонемой привел в шатер Ксеттоса двух молоденьких наложниц. Любвеобильный купец ни одной ночи не мог провести без женских ласк, и в дальних странствиях его всегда сопровождала дюжина прелестных юных рабынь. Глухонемой отлично знал все слабости и пристрастия хозяина и лично отбирал для него на каждую ночь подходящих настроению купца наложниц.

² Полночь (полуночь) – север, полдень (полудень) – юг, восход – восток, закат – запад.

Почтительным поклоном выразив хозяину пожелание доброй ночи, глухонемой покинул шатер и улегся на циновке у входа, свернувшись калачиком, словно верный пес.

Он не мог слышать, как глубокой ночью из тьмы леса подкралась опасность. Впрочем, и никто в лагере этого не услышал. Бесшумные тени появились из леса неожиданно со всех сторон. Стражи, чуть задремавшие на своих постах, беззвучно падали, пронзенные кинжалами ночных грабителей.

Лишь когда налетчики напали на людей, спавших у костров, поднялась паника. Испуганно ржали гиппарионы, мычали и бесновались вола. Слуги, рабы и даже стражники, побросав оружие, в страхе разбежались. Лесные разбойники в звериных шкурах и легких кожаных доспехах, уже не таясь, выкрикивали свой боевой клич и рубили всякого, кто попал под руку.

Глухонемой проснулся последним, когда один из пробежавших мимо слуг наступил ему на руку. Из шатра с визгом выскочили полураздетые рабыни, прикрывая ладонями свои обнаженные прелести. Вслед за ними появился Ксеттос в одних шароварах, взлохмаченный и босой, но с мечом в руке. Мигом оценив обстановку, он заорал:

– Все ко мне!

Полтора десятка уцелевших стражей сомкнули щиты, заслонив собой господина. Слуги и рабы устремились к шатру Ксеттоса, надеясь, что хозяин как-нибудь сумеет их защитить. Но грабителей было слишком много – целая боевая дружина вышла из леса. Ксеттос понял, что караван ему уже не спасти, уцелеть бы самому. Купцу, конечно, было жалко лишаться золота и товаров, но в конечном счете, при его немалом состоянии, потеря была не так уж велика. Ксеттос давно бы уже мог не обременять себя никакими заботами – лишь неумная жажда деятельности и страсть к дальним путешествиям заставляли его до сих пор самолично водить караваны.

– Отходим! – крикнул купец. – Все в лес! Где Омминос?!

Но никто не знал, куда подевался начальник стражи. Да никому и не было до этого никакого дела: каждый был озабочен собственной судьбой. Беспорядочной толпой караванщики устремились в чащу. Слуги, рабы, стражники – все рассеялись в зарослях кто куда. Лишь человек десять неотступно следовали за своим господином.

Вскоре в разгромленном лагере остались только торжествующие варвары и трупы убитых караванщиков. Грабители пощадили лишь наложниц Ксеттоса: девушки-рабыни послужили утехой разгоряченным воинам.

– Отличная добыча, – удовлетворенно произнес предводитель лесных варваров, осмотрев трофеи.

Над левым виском длинные волосы предводителя были заплетены в три косички, что свидетельствовало о его принадлежности к одному из княжеских арамейских родов.

– Но ты выбрал не очень удачное место для засады, мой неверный друг, – с ухмылкой заметил он сопровождавшему его Омминосу. – Эй, парни! Если хотите позабавиться с этими девками, забирайте их с собой. Оставаться здесь слишком опасно. Забирайте все, что можете, остальное – в огонь.

– Я сделал все, что обещал тебе, Варисий, – сказал Омминос. – Чем тебе не нравится это место? Чего ты боишься? Поблизости нет ни одного ногарского гарнизона.

– Ногарские солдаты меня ничуть не беспокоят, – пренебрежительно отозвался Варисий. – Мои бойцы без труда разгромят целый отряд ногаров. Здесь есть кое-что похуже.

– И что же это? – спросил Омминос.

– Там, – арамей указал в чащу, где скрылись бежавшие караванщики, – логово Бельфеддора.

Последнее слово он произнес так тихо, что Омминос едва расслышал.

– И кто же такой этот Бельфеддор? – насмешливо спросил Омминос.

– Говори тише, – потребовал варвар. – И старайся пореже произносить его имя, особенно когда находишься рядом с золотом. Этот металл привлекает его.

– Так кто же он такой? – повторил свой вопрос ногар.

– Это демон-воин, демон-истребитель. По ночам он выходит из развалин мертвого города, убивает всех, кто попадает на пути, и опять возвращается к себе. Свои трофеи он хранит в подземельях своего логова. За сотни лет там, должно быть, скопились несметные богатства, но никто в здравом уме не осмелится отправиться на их поиски.

– Глупые сказки старух-крестьянок, – пренебрежительно фыркнул Омминос. – Я не верю в эти старые предания, в них больше вымысла, нежели правды. Лучше отправь своих людей в погоню за Ксеттосом. В условиях сделки была смерть купца.

– Никуда твой купец уже не денется. Если хочешь, догоняй его сам, а мои люди туда не сунутся. От демона-истребителя никто не уходит живым.

Омминоса такое решение не удовлетворило. Просвещенное ногарское общество мало верило в могущество низших демонов, что во множестве населяли леса, степи и горы, ибо любой ногарский жрец мог повелевать ими, подчинять своей воле. Но спорить с арамеом Омминос не стал. Неизвестно, насколько опасен мифический Бельфеддор, а вот получить от варваров нож под ребро можно запросто.

Тем временем варвары погрузили выючные сумы с золотом и серебром и тюки с тканями на спины гиппарионов и волов, не забыли и амфоры с вином. Повозки с остальным добром подожгли.

Отряд готов был тронуться в путь, когда из-под полога рухнувшего шатра воины вдруг извлекли глухонемого. Оглушенный во время схватки, он потерял сознание и только сейчас пришел в себя.

– Гляди-ка! Один еще живой! – воскликнул бородатый воин, швырнув калеку к ногам предводителя. – Срубить ему башку, князь?

– Подожди, – остановил его Варисий. – Эй, парень, как тебя зовут?

– У него нет имени, – произнес Омминос, глядя на пленника с нескрываемым презрением. – И он тебе не ответит. Он даже не слышит тебя. Это раб Ксеттоса, он глухонемой. Только купец умел с ним разговаривать.

Раб исподлобья смотрел на предводителя варваров и ногара-изменника. Он действительно ничего не слышал, но лишь один Ксеттос знал, что глухонемой отлично умеет читать по губам.

– Позволь, Варисий, я лично прикончу уроду, – попросил Омминос, обнажая клинок. – Мне никогда не нравился этот хозяйский любимчик.

– Оставь его, – махнул рукой князь. – Парень и так обижен богами. Пусть считает, что я даровал ему свободу. Уходим!

Вся дружина быстро покинула разгромленный лагерь, уведя с собой гиппарионов и волов, нагруженных добычей. Когда последний воин растворился в ночи, раб вскочил на ноги и побежал в темную глубь леса, где скрылись Ксеттос и его уцелевшие слуги.

Между тем Ксеттос и несколько человек, державшихся рядом, углубились в самую чащу, спасаясь от клинков головорезов. Куда подевались все остальные, бежавшие из лагеря, они не знали, – видимо, разбрелись по лесу, а может быть, даже уже и сгнули в коварном болоте или на звериных тропах.

Бесцельно блуждая в темноте среди могучих вековых деревьев, увитых лианами, диким плющом и поросших густым длинным мхом от древности, беглецы вдруг наткнулись на обширные руины каменных строений.

– Что это, хозяин? – с опаской спросил один из слуг. – Где мы?

– Не знаю, – ответил Ксеттос. – Но лучше нам до рассвета укрыться здесь.

Купец и его слуги осторожно, почти на ощупь, продвигались среди руин. Наверное, когда-то в прошлом эти стены были очень высокими, теперь же они превратились в бесформенные нагромождения валунов. Каменные завалы то и дело преграждали дорогу путникам. Город, если это был город, умер очень давно. Наверное, не одна сотня лет минула с момента его гибели. Лес уже полностью захватил территорию, некогда отвоєванную у него жителями города. Деревья росли повсюду, даже изнутри останков зданий теперь поднимался густой лес. Буйная растительность своими корнями довершала разрушение каменных стен.

Ксеттос выругался. Он страдал больше всех: в отличие от слуг, на нем из одежды были только шаровары. Острые камешки впивались в его босые ступни, шипы и колючки царапали тело. В довершение всех бед начал накрапывать дождь, с каждым мигом он все усиливался, грозя перерасти в ливень.

– Тоттес, сделай несколько факелов, – распорядился купец. – Я вижу вход в какое-то подземелье. Укроемся там.

– Неужели мы сами полезем в пасть дьявола?! – ужаснулся один из слуг.

– Не будьте трусливыми бабами, – презрительно произнес Ксеттос. – Разве вы никогда не видели мертвых городов?

– Страшно не то, что город покинут, а то, почему он стал таким, почему его покинули обитатели, – с благоговейным трепетом прошептал пожилой слуга.

– Выбор у нас невелик, – ответил Ксеттос. – Либо укроемся здесь, либо попадем в лапы варваров. Тоттес, поторопись.

Тоттес быстро нарубил смолистых веток и связал их в три пучка. Укрывшись под каменной плитой, беглецы высекли огонь и запалили факелы.

– Идем, – решительно сказал Ксеттос и первым принялся спускаться вниз по скользким каменным ступеням.

Слуги и рабы последовали за своим господином. Вскоре они оказались в просторном зале, слабого света факелов не хватало выхватить из темноты стены и высокий потолок. Лес проник даже сюда, под землю. Каменные плиты пола затянуло мхом, сквозь щели пробивалась белесая трава, выросшая без солнечного света, а кое-где даже ветвились чахлые кустарники и маленькие кривые деревца, лишенные листвы. Из темной высоты от потолка спускались щупальца витых толстых корневищ – они, словно удавы, расползались по мшистому полу, вгрызаясь в щели меж плит. Под ноги беглецам то и дело попадался различный хлам – крупные останки каких-то деревянных сооружений, полностью превратившихся в труху, позеленевшие от времени медная утварь и смятые бронзовые доспехи, местами сквозь мох и тлен проглядывали желтые кости и черепа.

– Не очень приятное место, – тихо заметил Тоттес.

– До рассвета осталось недолго, – ответил Ксеттос. – Скоро мы уйдем отсюда. А пока соберите все, что горит, и разведите костер. Я дьявольски замерз.

Слуги быстро порубили мечами кустарники, деревца, корневища, сложили все в одну большую кучу и запалили. Сырое дерево горело плохо, больше чадило, но все же света оказалось достаточно, чтобы оценить истинные размеры огромного подземелья. Ногарам, привыкшим к строгим геометрическим линиям, которыми отличалась планировка ногарских городов, архитектура подземелья казалась хаотичной, лишенной всякой системы. Потолок то поднимался до высоты в четыре человеческих роста, а местами и выше, то вдруг опускался так, что пришлось бы нагнуться, чтобы пройти под его сводами. Затянутые мхом и побегами дикого плюща колонны беспорядочно стояли на значительном удалении друг от друга, но кое-где собирались в целые колоннады, в которых можно было бы заблудиться, как в лесу. И всюду царили запустение, сырость и тлен.

Беглецы разбрелись во все стороны, обследуя подземелье. В самой глубине, почти за границей света, один из слуг вдруг наткнулся на кувшин с золотыми монетами. Зачерпнув

горсть, предусмотрительный слуга спрятал золото за пояс и только потом позвал хозяина. На его зов вслед за Ксеттосом последовали и остальные.

– Да здесь полно золота, – ошеломленно произнес пожилой раб, взмахнув факелом. – Посмотри туда, хозяин.

Из мшистого ковра проглядывали золотые светлячки, а чуть дальше сверкали целые россыпи – блюда, кубки, чаши, украшения, монеты. Здесь не было ни серебра, ни жемчугов, ни камней, одно только золото.

– Это с лихвой окупит потерю каравана, – заметил Ксеттос, сразу приободрившись.

– Но кто сложил все это здесь? – с опаской спросил один из слуг. – Может быть, те разбойники, что напали на нас?

– Тогда бы они сами уже были здесь, – ответил купец. – Этот клад наверняка такой же древний, как и само подземелье. Посмотрите сами: большинство монет очень старые, таких уже давно не чеканят.

– Взгляни на это, господин, – с трепетом произнес другой слуга.

Он указал на массивную гранитную плиту, стоявшую среди золотых россыпей. Пожалуй, это был единственный камень здесь, не затянутый мхом. Очевидно, когда-то эта плита проломила верхнее перекрытие, рухнула вниз и врезалась в землю, вздыбив плиты пола. Время не пощадило и этого гранитного монолита, выщербив поверхность, отполированную некогда древними камнерезами. Высеченный на плите барельеф стерся почти полностью, угадывалась лишь рогатая голова какого-то существа. Лучшее всего на изображении сохранились глаза. Пронизанный красными жилками камень придавал им живой блеск, в свете факелов они горели злобным огнем. Казалось, каменное существо неотрывно следит взглядом за непрошенными гостями.

– Проклятие, – прошептал Ксеттос, неожиданно побледнев и отступая от барельефа. – Я же слышал об этом мертвом городе. Как я сразу не догадался?!

– Это же... – в ужасе прошептал было Тоттес.

Но купец не позволил ему договорить. Зажав слуге рот ладонью, Ксеттос сердито прошипел:

– Не смей произносить его имя. Мы в самом его логове, и совсем не обязательно призывать его сюда. Всем молчать. Уходим отсюда. Немедленно.

В этот момент послышался шорох. Все разом обернулись, обнажив клинки. Но уже через мгновение Ксеттос и его спутники вздохнули с облегчением. Из тени колонны вышел глухонемой.

– Это ты, мой верный раб, – улыбнулся купец. – Поди сюда. Ты один?

Глухонемой понял вопрос и кивнул.

– Я рад, что ты нашел меня, – сказал ему Ксеттос, похлопав по плечу. – Но теперь мы все должны уходить отсюда.

Глухонемой улыбнулся: он тоже был рад, что нашел хозяина живым и невредимым. С малых лет парень служил купцу и очень привязался к нему.

Вдруг глухонемой изменился в лице и указал хозяину на что-то за его спиной. Ксеттос и остальные обернулись.

Гранитный барельеф охватило призрачное сияние. Свет шел из самой глубины камня, с каждым мигмом в нем все отчетливее проявлялась фигура могучего грозного существа. Золотые россыпи пришли в движение: монеты, чаши, цепи и ожерелья – все поднялось в воздух. Монеты, припрятанные одним из слуг, выскользнули из-за его пояса и также взвились над полом.

– Все вон отсюда! – крикнул купец.

Схватив глухонемого за плечо, он потащил раба к выходу. Остальные последовали за своим господином.

Золотые предметы, зависшие в воздухе, вдруг сорвались с места и вихрем закружились по подземелью. Люди оказались в центре этого золотого смерча, не в силах вырваться из бешено вращавшегося кольца.

Странное существо вырвалось, наконец, из камня и неожиданно предстало перед людьми. На краткий миг хозяин подземелья вдруг обрел плоть и превратился в огромного воина, закованного в броню. Его лицо, обросшее серой шерстью, было похоже на звериное рыло, это сходство усиливал рогатый шлем. Взмахнув стальными клинками, воин молниеносно рассек двух человек и снова растворился призрачным сиянием.

Слуги и рабы бросились врассыпную. Один из них попытался вырваться из кольца вихря, но тут же был сбит с ног золотым потоком и упал на мшистые плиты, обливаясь кровью.

– Кто это?! – в ужасе взвизгнул молодой слуга, вцепившись в плечо Тоттеса. – Ты что-то знаешь о нем! Скажи мне!

– Бельфеддор! – прохрипел стражник. – Мы в подвалах его города. Это древний демон-воин, истребитель людей. Его невозможно одолеть, он наполовину призрак. Мы все погибнем здесь.

Сомневаться в словах Тоттеса не приходилось. Злобное демоническое существо стремительно перемещалось по подземелью. Принимая на мгновение материальную форму своей сущности, Бельфеддор наносил смертельный удар, и вновь становился призраком. Очень скоро все слуги Ксеттоса и сам купец пали от стальных клинков свирепого хозяина подземелья, в живых остался лишь глухонемой.

Ураган, бесновавшийся в стенах, стих так же неожиданно, как и поднялся, золотые россыпи вновь устлали мшистые плиты.

Истекая кровью, Ксеттос медленно умирал, лежа на переплетении корневищ. Глухонемой раб склонился над господином. Беззвучно плача, он безуспешно пытался остановить кровь, зажимая ладонью рану под сердцем купца.

– Уходи, парень, – прошептал Ксеттос. – Спасайся.

Даже если бы раб смог услышать, что говорит ему купец, он все равно не покинул бы хозяина. Этот умирающий старик с массой пороков был единственной опорой для убогого сироты в жестоком, враждебном ему мире. Верный раб хотел умереть вместе с господином, вырастившим его с малых лет.

– Уходи, – снова прошептал Ксеттос и испустил дух.

Обняв тело господина, раб разрыдался еще горше.

Заметив скользнувшую рядом тень, он поднял голову и увидел перед собой Бельфеддора. Хозяин подземелья внимательно смотрел на раба. Красноватые глаза демона горели холодным огнем, в его взгляде не угадывалось ничего, кроме безмерной жестокости, злобы, жажды крови и насилия, ненависти ко всему живому. Чуть изогнутые стальные мечи покачивались в его руках, готовые в любой миг изрубить человека на куски.

Злость вдруг вскипела в душе убогого раба. Он вскочил на ноги и бросился на огромного воина. Ярость заглушила страх и боль, он совсем не думал о смерти. Бельфеддору не понадобилось ни одного движения, чтобы отразить это жалкое нападение – ударившись о пластинчатую броню доспеха, раб попросту отлетел в сторону, словно перышко. Однако это несколько не угасило его жажды мщения. Раб вскочил на ноги и снова бросился на могучего хозяина подземелья. Бельфеддор лишь взмахнул рукой, поддев глухонемого рукоятью меча, и раб, пролетев по воздуху шагов двадцать, упал на переплетение корней. От удара хрустнули ребра, но даже это уже было не в силах остановить разъярившегося раба.

Похоже, Бельфеддора начала забавлять эта бессмысленная возня. Вложив мечи в ножны за спиной, он спокойно принимал удары жалкого противника. Снова и снова глухо-

немой раб бросался на грозное существо, разбивая кулаки в кровь о броню доспехов, но всякий раз оказывался поверженным.

Он тяжело дышал и уже едва держался на ногах, но все еще был полон решимости. Бельфеддор приблизился, с явным интересом ожидая продолжения забавы. В этот момент взгляд раба упал на бронзовый клинок, оброненный одним из погибших стражников Ксеттоса. Меч лежал на толстом корневище, его острое торчало вверх. Глухонемой понимал – схватись он за оружие, и гибель будет уже неминуема: Бельфеддор шутя разорвет его на части голыми руками. Но ему уже нечего было терять. Раб никогда не держал в руках оружия, тем не менее, на память вдруг пришел один трюк, увиденный им еще в детстве, во время поединка чести двух благородных ногарских воинов. И раб решился.

Он ударил босой пяткой по концу клинка так, что меч взлетел в воздух. Подпрыгнув, раб схватился за рукоять меча и, развернувшись в прыжке, нанес удар.

На мгновение Бельфеддор замешкался, он попросту не ожидал такой прыти от убогого калеки. Эта заминка стоила хозяину подземелья жизни. Бронзовый клинок с хрустом тяжело врубился в жесткую плоть демона и в следующий миг голова Бельфеддора скатилась с плеч. Однако тело его еще некоторое время стояло на ногах. Бельфеддор даже потянулся к оружию, его ладони сомкнулись на костяных рукоятках мечей, украшенных врезанными в них золотыми кольцами.

Глухонемой отступил, выронив клинок. Тяжело дыша, он со страхом смотрел на обезглавленное тело демона, не зная, чего ожидать от загадочного хозяина подземелья. Но Бельфеддор так и не обнажил оружия. По-прежнему держась за рукояти мечей, он повалился навзничь и рухнул на пол так, что содрогнулись плиты, а по ковру мха пробежала волна.

Потеряв остатки сил, глухонемой упал на колени и, скрючившись, уткнулся лицом в сырой мох. Сейчас он сам был близок к тому, чтобы умереть от полного изнеможения.

Вдруг он услышал голос:

«Человек!»

Раб вздрогнул. С трудом подняв голову, он огляделся. Костер, разложенный слугами Ксеттоса, горел еле-еле и нещадно чадил, но все же света было достаточно, чтобы понять, что рядом никого нет. Вокруг лежали только мертвые тела. Между тем зов повторился:

«Человек!»

Голос не мог исходить извне, глухонемой попросту не услышал бы его. Раб слышал голос в своем сознании.

«Человек! – прозвучало в третий раз. – Я знаю, ты слышишь меня. Это я, Бельфеддор, обращаюсь к тебе. Подойди и взгляни на меня.»

Глухонемой в ужасе отшатнулся назад, упав на локти. От дикого страха потемнело в глазах и сдавило горло.

«Подойди ко мне!» – жестко потребовал Бельфеддор.

Единственным желанием глухонемого было вскочить на ноги и бежать без оглядки из страшного подземелья. Но властный голос демона притягивал его, да и чисто человеческое любопытство брало верх над страхом: слишком уж необычно было слышать в собственном сознании чужой голос.

Глухонемой поднялся и осторожно приблизился к телу Бельфеддора. Голова хозяина подземелья лежала чуть поодаль, глаза демона смотрели на человека из-под лохматых бровей, в них все еще не угасла жизнь. Даже без рогатого шлема, спавшего с головы, лицо демона все равно больше напоминало морду свирепого зверя, хотя несомненно это было лицо человека.

«Я скоро умру, – прозвучал голос Бельфеддора. – Но пока еще проводники вечности не унесли меня в мир теней, мы можем заключить взаимовыгодную сделку.»

«Тебе нечего мне предложить,» – отозвался раб.

«Напротив, я могу изменить всю твою жизнь. Боги дали тебе при рождении гораздо меньше, чем другим людям. Ты отмечен ущербностью. Я же могу исправить эту несправедливость. Я избавлю тебя от хромоты и кривобокости, наделю даром речи, ты сможешь слышать все звуки этого мира. Я дам тебе огромную силу и безграничную власть над золотом.»

Глухонемой задумался. Словам демона о силе и власти над золотом он не придавал особого значения. Его обошла стороной хроническая болезнь всех слуг и рабов, что стремились прибрать к рукам любой медный грошик, пока не видит хозяин. Богатство его не соблазняло. Но стать физически равным другим людям... Об этом глухонемой не смел даже мечтать. Возможность стать полноценным действительно могла бы изменить всю его жизнь.

«Думай скорее, – поторопил его Бельфеддор. – Времени в моем распоряжении осталось не слишком много.»

«А что ты возьмешь взамен?»

«Только то, что ты сам дашь мне.»

«Но мне нечего тебе дать. У меня нет ничего. Даже моя жизнь принадлежала моему господину, а сейчас должна перейти по наследству к его племяннице.»

«Ты можешь дать мне возможность жить. Я прожил на свете многие сотни лет, но не желаю покидать этот мир. Дай мне возможность жить в твоём теле, и я отплачу тебе за эту услугу сполна. Ты будешь здоров и полон сил, ни один недуг не коснется тебя более. И ты будешь жить долго. Очень долго.»

«Ты хочешь поработить мою душу?» – насторожился раб.

«О нет, ты не понял. Мы будем вместе жить в твоём теле. Я не властен самолично распоряжаться твоей брэнной оболочкой, и уж тем более душой. Если бы я мог вселиться в твоё тело без разрешения, я не стал бы тебя спрашивать. Ты останешься самым собой, просто в тебе буду жить ещё и я...»

Раб снова задумался. Он опасался довериться злобному демону подземелья, что так безжалостно расправился с Ксеттосом и его спутниками. Но возможность стать таким же, как все, была слишком уж заманчивой. Вдруг вспомнилась ухмыляющаяся физиономия Омминоса. Коварный изменник должен быть наказан за вероломство, но что может сделать убогий глухонемой раб?..

«Мир теней уже готов принять меня, – резко ворвался в сознание раба голос Бельфеддора. – Решайся!»

«Зачем тебе жизнь? – осторожно поинтересовался глухонемой. – Чтобы и дальше сеять смерть? Я не хочу становиться убийцей. Это не для меня.»

«Да, я чувствую, что мой образ жизни для тебя не годится, как и ты для него, – мрачно заметил демон. – В тебе нет ни твердости, ни решительности настоящего воина. Но я уже сказал, что не властен над тобой и твоим телом. Скорее уж мне придется стать твоим рабом. Но я хочу жить и готов смириться с этим. Впусти меня.»

«Поклянись, что не сделаешь ничего против моей воли, – потребовал глухонемой.»

«Клянусь Светом и Тьмою, Жизнью и Смертью! – не раздумывая поклялся демон. – Я не сделаю ничего против твоей воли, это просто не в моих силах. Открой мне своё сердце! Впусти меня!»

«Входи,» – разрешил глухонемой.

Тело Бельфеддора охватило сияние. Белесые щупальца призрачного тумана устремились к груди глухонемого и впились в его сердце. Дикая боль пронзила каждую частичку ущербного тела раба, его словно разрывала изнутри грубая жестокая сила. Глухонемой захрипел и рухнул навзничь, его тело забилося в судорогах. В глазах потемнело, невыносимая боль погасила сознание.

Когда глухонемой пришел в себя, сырое дерево в костре уже еле тлело, все подземелье погрузилось во мрак. Но, к собственному удивлению, рабу оказалось достаточно этих еле

светящихся угольков, чтобы различать все предметы в темноте подземелья. Глухонемой с большим трудом припомнил все случившееся и совсем не был уверен, что сделка с Бельфеддором не является бредом его воспаленного сознания.

Раб приподнялся и сел.

– Эй, ты здесь? – осторожно окликнул он демона и осекся.

То, что он хотел высказать мысленно, неожиданно соскочило на язык. Немой от рождения, он вдруг заговорил. Только сейчас раб осознал, что отчетливо слышит журчание воды, доносившееся издали, со стороны входа. Это дождевая вода стекала в подземелье. Рядом что-то шуршало, таясь в переплетении корней. Человек, родившийся глухонемым, теперь отчетливо различал все звуки. Он понял, что соглашение с демоном не было плодом больного воображения.

– Где ты? – снова позвал он Бельфеддора.

«Совсем не обязательно орать, чтобы позвать меня, – прозвучал в сознании голос демона. – Если ты будешь обращаться ко мне вслух на людях, все подумают, что ты разговариваешь сам с собой, и тебя сочтут умственно недоразвитым. Впрочем, это не так уж далеко от истины.»

– А ты не слишком дружелюбен, – заметил человек. – Мог бы и поблагодарить за то, что я впустил тебя. Как устроился?

«Вполне сносно. Но ты оказался слишком слаб, на мгновение мне показалось, что мы умрем вместе в твоём хлипком тельце.»

Человек ощупал лохмотья, в которые превратилось его одеяние, и удивленно спросил:

– Что случилось с моей одеждой?

«Она оказалась слишком тесна для нас обоих, – пояснил демон. – Разве ты не чувствуешь, что стал гораздо крупнее? Встань, оцени наше новое тело.»

Человек послушно поднялся на ноги и расправил плечи. Да, он стал другим – высоким, крепким, сильным.

«Почувствуй мою силу!» – произнес демон злобно и торжествующе.

Тело вдруг наполнила жестокая всеподавляющая мощь грозного демона-истребителя, а душу охватил дикий злобный восторг. Появилось непреодолимое желание крушить все вокруг и уничтожить все живое, что осмелится противостоять его силе. Человек сам испугался неведомого доселе чувства.

– Прекрати немедленно! – потребовал он.

«Как пожелаешь, – отозвался демон с нескрываемым ехидством. – Ты еще слишком слаб душой и не в состоянии выдержать моей силы. Тебя страшит наше могущество. Ты не воин, но когда им станешь, ты перестанешь бояться, и тебе понравится наша сила...»

– Мне это не нужно, – отрезал человек, слегка уязвленный насмешливым тоном демона. – У тебя самого душа не воина, а убийцы. Я не собираюсь становиться таким, как ты, и не смею толкать меня на этот путь.

«Ничтожный человечек, – злобно прорычал демон. – Ты хочешь, чтобы моя сила пропала? Нам нет равных, мы любого можем поставить на колени и подчинить своей воле. Стоит ли скрывать свою мощь? Отбрось страх и воспользуйся моей силой. Тебе понравится, стоит только попробовать. Это непередаваемое чувство триумфа – осознание того, что ты сильнее. В тот миг, когда ты сломаешь противника, втопчешь его в пыль, ты почувствуешь себя богом. Именно насилие сделало меня... тем, кто я есть.»

– Но я – не ты, – ответил человек. – И закончим на этом. Я не стану убийцей.

«Хорошо, на время оставим этот разговор, – нехотя согласился демон. – Кстати, пора нам уже познакомиться. Как твоё имя?»

– У меня его нет.

«Так не пойдет! – свирепо возмутился демон. – У каждого должно быть имя, это отличает его от прочих. И мы не должны быть безымянными.»

– В таком случае – я возьму твое, – принял человек простое решение. – Раз уж ты поселился во мне, то теперь я и буду называться Бельфеддором.

«Это мне нравится, – одобрил демон. – Не хотелось бы оставаться забытым. Так куда же мы направимся, дружище Бельфеддор?»

– Не знаю, – задумчиво пробормотал новый Бельфеддор. – Наверное, стоит вернуться в Отоммосо. Неплохо бы поквитаться с Омминосом, если он там.

«Кто это?»

– Подлый изменник. Он заманил моего господина в ловушку и должен ответить за свое преступление.

«Снесем башку, мерзавцу? – кровожадно осведомился демон. – Хотя нет, это слишком мягкое наказание. Подвергнем его пыткам, чтобы он медленно умер в мучениях на наших глазах.»

– На это даже не надейся, – отрезал Бельфеддор. – Я не палач, мы предадим негодяя в руки справедливого правосудия.

«Очень скоро ты поймешь, что справедливое правосудие справедливо не для всех, – заметил демон. – Врагов лучше уничтожать самолично, не дожидаясь, пока они попадут в руки палача. Но пока можешь потешить себя своими иллюзиями, спорить с тобой я не стану – вижу, что твое упрямство граничит с глупостью. Лишь одна просьба: возьми мое оружие.»

– Зачем оно мне? Я уже сказал, что не собираюсь становиться ни убийцей, ни воином.

«Зато я воин и остаюсь им. Мне дороги эти клинки. Кроме того, путь до Отоммосо далек и опасен. Всякое может случиться. Мне трудно будет защитить нас, если мы будем безоружны. Я посоветовал бы забрать и мои доспехи, но, пожалуй, для них наше новое тело несколько мелковато.»

– Ладно, – нехотя согласился Бельфеддор. – Я заберу твои мечи. Но не вздумай втягивать меня в резню, иначе я тебя прогоню.

«Я учту твоё пожелание,» – мрачно и разочарованно пообещал демон.

Он явно не ожидал, что бывшего убогого раба будет так сложно подчинить своим интересам.

Бельфеддор снял с трупа хозяина подземелья затейливую сбрую с двумя мечами.

«Захвати пригоршню монет, – посоветовал демон. – В дороге пригодится.»

Признав совет разумным, Бельфеддор увязал горсть монет в лоскут, оторванный от собственной одежды, подхватил оружие и направился к выходу из подземелья.

Выбравшись на поверхность, он с удивлением увидел, что уже давно рассвело. Сквозь густые кроны деревьев пробивались солнечные лучи.

Совсем рядом качнулись огромные стебли папоротника, послышались шорох и пофыркивание. Бельфеддор припал к земле.

«Ты не слишком отважен, – насмешливо заметил демон. – Хватит валяться в грязи. Это всего лишь гиппарион. Видимо, заблудился. Попробуй позвать его.»

Бельфеддор приподнялся и тихонько свистнул. Животное тотчас поспешило на зов человека.

– Да это же старый знакомый! – обрадовался бывший раб.

Он нежно обнял за шею черного, как ночь, гиппариона. Это был Мрак, вороной жеребец Ксеттоса. Видимо, во время ночного нападения гиппарион отвязался и ускакал прочь от лесных варваров.

Жеребец добродушно фыркнул и ткнулся носом в плечо человека. Как ни странно, он тоже узнал бывшего глухонемого калеку даже под новой личиной и, по всей видимости, также обрадовался этой встрече.

«Теперь хоть не придется топать пешком, – удовлетворенно заметил демон. – Залазь на него – и в путь.»

Мрак настороженно повел ушами, словно услышал чужой голос.

– Этот конь не принадлежит мне, – ответил Бельфеддор. – Я не имею права садиться на него верхом.

«Ты непроходимо туп! – злобно воскликнул демон. – Если не жалко ног – дело твое, топай пешком.»

– И потопаю, – пробурчал Бельфеддор. – Тебя спрашивать не стану.

Взяв Мрака за повод, он повел жеребца за собой.

* * *

Осторожно ступая босыми ногами, Бельфеддор вел Мрака в поводу по едва приметной тропе, возвращаясь на лесную дорогу. Сбрую с оружием бывший раб, вопреки протестам демона, не стал надевать, а закрепил на крупе жеребца.

«Впереди много людей, – предупредил демон. – Они вооружены.»

Подкравшись к самому краю дороги, Бельфеддор осторожно выглянул из зарослей. По дороге неспешно продвигались два десятка всадников в легкой броне, предводительствуемые воином в таких же простых доспехах. Лишь черный плащ, расшитый серебром, да плюмаж из белых перьев на шлеме выдавал в нем командира. За всадниками шагали несколько человек в грубых одеждах, некоторые вели в поводу гиппарионов и волов. Замыкали колонну полсотни солдат-пехотинцев.

– Это ногарские солдаты, – прошептал Бельфеддор. – И с ними люди из каравана Ксет-тоса. Пожалуй, стоит присоединиться к ним.

«Это еще зачем? – недовольно поинтересовался демон. – От солдат лучше держаться подальше.»

– Это же не разбойники, – ответил Бельфеддор. – Чего испугался?

«Ты просто дурак, если думаешь, что я способен бояться кого-либо, – злобно произнес демон. – Будь я в своем теле, эти вояки уже все кормили бы воронов. Но ты – не я. Воины пограничных отрядов с подозрением относятся к бродягам, ты же слишком глуп и сам навлечешь неприятности на нашу голову. Раб, он и есть раб.»

– Не нравится – можешь искать себе другое тело, – огрызнулся Бельфеддор. – Мне надоели твои придирки. Я иду к людям.

«Хотя бы держи оружие под рукой,» – примирительно посоветовал демон.

– Это ни к чему, – отверг Бельфеддор его совет.

Едва всадники поравнялись с ним, Бельфеддор вышел из своего укрытия, потянув за собой Мрака. Гиппарион под одним из всадников всхрапнул и нервно дернулся, испуганно косясь на незнакомца.

Предводитель отряда натянул поводья и вскинул руку. Вся колонна встала, повинувшись его сигналу. Двое всадников приблизились к Бельфеддору, обнажив клинки.

«Ты, конечно же, все равно все сделаешь по-своему, но я очень сильно сомневаюсь, что эти парни рады нас видеть,» – язвительно заметил демон.

«Сомневайся сколько хочешь, тебя никто не спрашивает,» – грубо отозвался Бельфеддор.

«Я знал, что ты так скажешь. Ну-ну, посмотрим, чем все это закончится.»

– Стой на месте и не шевелись, – грозно приказал один из воинов.

К ним подъехал командир отряда. Он был уже далеко не молод и, судя по всему, большую часть своей жизни провел в кровавых битвах. Его морщинистое и на редкость несимпа-

тичное лицо было иссечено шрамами, обнаженные мускулистые руки также хранили многочисленные следы былых сражений.

– Кто ты такой? – сурово спросил старый воин.

– Я шел с караваном Ксеттоса, благородный господин, – честно ответил Бельфеддор, поклонившись. – Я раб Ксеттоса.

«Какой же ты глупец! – рассердился демон. – Ничего более толкового сказать не мог? Зачем было признаваться, что ты раб? Ты сам лишаешь себя возможности стать свободным человеком и меня толкаешь в рабство.»

– Так ты раб? – переспросил воин.

Он смерил Бельфеддора пристальным взглядом. Бельфеддор не заметил в глазах командира отряда презрения, обычного для ногарских аристократов, которым приходится снисходить до беседы с рабом.

– Почему ты здесь в одиночестве? – спросил старый воин. – Где твой Ксеттос?

– Мой хозяин погиб, благородный господин, – ответил Бельфеддор.

Командир кивнул одному из воинов и приказал:

– Приведи кого-нибудь из этих...

Воин немедленно подвел к командиру Октоса, повара Ксеттоса.

– Ты знаешь этого человека? – спросил предводитель отряда, указав на Бельфеддора. – Он утверждает, что шел с вашим караваном.

– Он мне не знаком, – ответил Октос. – Его не было с нами.

– Присмотрись внимательней, Октос, – попросил Бельфеддор.

– Я не знаю, откуда тебе известно мое имя, но я никогда не видел тебя в караване хозяина, – сказал повар, поморщившись. Наемный слуга выказывал явное недовольство, что его заставляют опровергать ложь какого-то раба, судя по всему, беглого. – Не верь этому бродяге, благородный воин. Он, наверное, отбил от разбойников. Его физиономия мне не знакома, но этот жеребец несомненно принадлежал Ксеттосу.

Небрежным движением руки воин отпустил купеческого слугу и, хмуро глядя на Бельфеддора, произнес:

– Почему-то этот толстяк не признал тебя. Значит, ты солгал. Так кто же ты такой?

– Я уже сказал, – глухо ответил Бельфеддор. – Мне нечего добавить.

– Чье это оружие? – спросил воин, указав на мечи хозяина подземелья.

– Мое, – ответил Бельфеддор.

– Вот как? – воин усмехнулся. – Ты назвался рабом, но рабы не разгуливают с оружием. Кто же ты? Разбойник? Мародер?

Бельфеддор молчал, опустив голову.

– Как тебя зовут? – продолжал спрашивать воин.

«Не вздумай назвать ему наше имя, – поспешно предупредил демон. – Он мог его слышать, а в здешних краях оно не пользуется доброй славой. Ни к чему добавлять себе неприятностей, из-за твоей дурости мы и так уже влипли по уши.»

На этот раз Бельфеддор решил последовать совету демона. Их положение действительно было сейчас очень неопределенным.

– Позволь мне не называть себя, благородный господин, – попросил он.

Командир отряда равнодушно пожал плечами.

– Дело твое.

Кивнув воинам, он приказал:

– Связать его!

Двое солдат послушно стянули руки Бельфеддора сыромятным ремнем.

– Тебе нет нужды опасаться меня, благородный господин, – сказал Бельфеддор. – Я не замышляю ничего худого.

– Может быть, – кивнул воин. – Но я не знаю этого наверняка. Ты уже уличен во лжи, при тебе жеребец погибшего хозяина каравана, ты вооружен и отказываешься назвать себя. Так что у меня очень мало оснований доверять тебе. Я капитан Кселлос, мой отряд следует в крепость Паттоко. Я доставлю туда уцелевших людей Ксеттоса, а заодно и тебя. Пусть комендант крепости разбирается, кто ты такой и что с тобой делать.

Бельфеддора привязали длинной веревкой за руки к седлу одного из всадников. Повод Мрака привязали к луке седла другого всадника – никто из слуг погибшего Ксеттоса не осмелился подойти к злобному жеребцу. Мрак свирепо косился по сторонам, перебирал копытами и издавал странные горловые звуки, похожие на сдавленное рычание. Тем не менее, гиппарион не делал решительных попыток освободиться, хотя и доставил солдатам немало хлопот.

Отряд капитана Кселлоса продолжил свой путь.

«Никогда еще я не попадал в положение, столь нелепое и унижительное! – бесновался демон. – Дай мне свободу, и я уничтожу этих людишек, осмелившихся пленить нас!»

«Даже не мечтай об этом, – решительно отверг его требование Бельфеддор. – Они не враги, а солдаты императора, хранители законности и порядка. Комендант Паттоко во всем разберется, и нас отпустят.»

«Мозгов у тебя не больше, чем у черепахи! – не успокаивался демон. – Твоя рабская сущность проявляется во всем! Я дал тебе сокрушительную силу, а ты все надеешься на милосердие и справедливость каких-то господинчиков. Люди кругом – сплошная мразь, запомни это. Не раздавишь их, – они раздавят тебя. Комендант не будет ни в чем разбираться, просто обвинит нас во всех грехах, какие сможет придумать, и отправит на плаху или, что еще хуже, продаст с торгов. Лично я не желаю становиться рабом, да и тебе пора бы уже учиться быть свободным человеком. Да и что ты можешь сказать коменданту? Что носишь в себе меня?»

«Не мог бы ты заткнуться или хотя бы поговорить о чем-нибудь более приятном?» – недовольно проворчал Бельфеддор.

«Мог бы, да только ничего приятного в нашем положении нет. Если бы я знал, что ты окажешься таким безвольным рохлей и тупицей, лучше отправился бы в мир теней.»

«Еще не поздно это сделать, – отозвался Бельфеддор с угрозой: оскорбления демона задели его за живое. – Если не перестанешь меня донимать, прогоню!»

Угроза подействовала. Видимо, демон действительно был не властен над телом и волей человека, в которого вселился.

«Ладно, не будем ссориться, – примирительно сказал демон. – В конце концов, мы теперь в одной упряжке.»

«Так-то лучше. Скажи, почему Октос не узнал меня?»

«А чего ты ожидал? Трудно узнать в здоровом сильном человеке глухонемого калеку.»

«А мое лицо? Моя одежда? Я чего-то не понимаю, но вижу, что пока от нашего союза больше неприятностей, чем выгоды.»

«Уж кто бы говорил,» – проворчал демон.

Отряд капитана Кселлоса без помех продвигался вперед. К полудню лесная дорога вывела людей на широкий наезженный тракт, знакомый Бельфеддору. Именно этим путем Ксеттос обычно водил свои караваны в Хингару.

До самого вечера отряд неспешно продвигался по широкой дороге. С наступлением сумерек лес, наконец, расступился, впереди лежала бескрайняя степь. Когда совсем стемнело, дорога уперлась в ворота большого постоялого двора.

Не так давно здесь стояли всего лишь большой тростниковый навес и сарай, где путники могли укрыться от непогоды, да загон для скота. Но с некоторых пор это местечко прибрал к рукам предприимчивый толстяк Абатур, бывший родом откуда-то из полуденных

земель. Он умело воспользовался удачным расположением местечка на пересечении торговых путей, соединяющих древнюю Наккату с Отоммосо, Хингарой, Каттаном и Акатанией. В короткий срок Абатур превратил простую стоянку в огромный гостинный двор. На месте убогих построек выросли гостинные дома в два поверха³ со множеством комнат, просторная трапезная, большие загоны, конюшни, склады, амбары и даже торговые лавки. Для спокойствия проезжих гостей и своего собственного Абатур даже обнес свое хозяйство высоким тыном. Когда же некоторое время назад сюда добрались строители Большой Императорской дороги, что пролегала мимо и должна была связать древнюю столицу Ногары Аттоко и новую – Отоммосо, вокруг раскинулся целый город – бараки для рабов, кухни, конюшни, мастерские, солдатские казармы. Здесь всегда былолюдно и оживленно.

Встретить отряд вышел сам Абатур. Он радушно приветствовал капитана – видимо, был давно с ним знаком. Слуги Абатура занялись размещением караванщиков и солдат Кселлоса. Два воина под присмотром самого капитана привязали Бельфеддора к специальному столбу на охранном дворе, где обычно ночевали узники, сопровождаемые из дальних провинций в столицу. Такие столбы возвышались по всему двору, в стенах блестели массивные бронзовые кольца, к которым приковывали особо опасных преступников.

Сегодня здесь было пустынно, Бельфеддору предстояло коротать ночь в одиночестве.

– Кто твой пленник, дружище? – поинтересовался Абатур, из любопытства увязавшийся за капитаном.

– Какой-то бродяга, – неохотно ответил Кселлос.

– Это его гиппарион? – спросил толстяк, похлопав Мрака по холке.

Гиппарион всхрапнул и обнажил крупные зубы, злобно покосившись на толстяка. Абатур поспешно отдернул руку.

– Отличный жеребец, – восхитился он. – За такого не жалко никаких денег.

– Вот потому-то он и побудет здесь, на охранном дворе, – проворчал капитан. – Не очень-то я доверяю твоим постояльцам.

– Ты меня обижаешь, – оскорбился толстяк. – Я не принимаю у себя конокрадов.

– Тебе-то откуда знать, кто здесь останавливается? – усмехнулся капитан. – В твоё заведение каждый день приходит две сотни человек, и столько же уходит.

– Это верно, – вздохнул Абатур. – Народу много, за всеми не уследишь. Между прочим, я мог бы купить этого жеребца и избавить тебя от хлопот.

– Не облизывайся. Жеребец принадлежал купцу Ксеттосу и будет отправлен его наследникам.

– А мечи тоже его? – спросил Абатур.

Он вытянул из ножен один из мечей Бельфеддора, по-прежнему привязанных к крупу Мрака.

– О, боги! – изумленно воскликнул толстяк. – Взгляни, дружище! Это же сталь! Ты знаешь, сколько стоит такой клинок?!

– Не трогай ничего! – прикрикнул на него Кселлос.

Он отобрал у толстяка меч и задвинул его обратно в ножны.

– Из этого каравана тебе ничего не достанется. Всех людей и все добро Ксеттоса я сдам коменданту Паттоко.

– Что я в тебе ценю больше всего, друг, так это твою неподкупность и верность долгу, – уважительно, хотя и с изрядной долей иронии произнес Абатур. – Ты настоящий солдат.

Воины привязали жеребца к кольцу в стене. Капитан сам проверил надежность узлов на руках пленника и спросил напоследок:

– Чего-нибудь хочешь?

³ Поверх – этаж.

– Если можно, воды, благородный господин, – попросил Бельфеддор.

– Подайте ему воды, – распорядился капитан.

Один из солдат зачерпнул из бочки большим ковшом и поднес его к губам пленника. Опустив голову, Бельфеддор вдруг увидел собственное отражение и в ужасе отпрянул. Факел на стене светил довольно ярко, и бывший раб Ксеттоса смог разглядеть себя вполне отчетливо.

Ему было немногим более двадцати лет, теперь же на Бельфеддора смотрело из воды незнакомое, обросшее щетиной лицо с суровыми, даже грубыми чертами видавшего виды человека неопределенного возраста – с равным успехом ему можно было дать и тридцать лет, и пятьдесят.

«Надо же, – заметил демон несколько удивленно. – Оказывается, мы сильно изменились...»

– Мы?! – вскричал Бельфеддор вслух, не сдержавшись. – Это я изменился! Что ты со мной сделал?!

– Ты здоров, приятель? – недоуменно спросил капитан. – С кем ты разговариваешь?

Бельфеддор ничего не ответил. Капитан пожал плечами, затем жестом позвал воинов за собой и направился к воротам. Абатур поспешил за Кселлосом.

– Странного парня ты приволок, – заметил толстяк. – Он явно не в себе. Идем скорее, друг, я угощу тебя добрым вином. Недавно я купил таких девушек – кровь с молоком! Вот увидишь, тебе они понравятся. Мы славно проведем эту ночь.

Ворота захлопнулись, снаружи встали на страже два воина. Внутри охранного двора остались лишь Бельфеддор и Мрак.

– Как ты мог сделать со мной такое?! – разгневанно прошипел Бельфеддор, как только голоса капитана и Абатура стихли за воротами.

«Я сам не подозревал, что так получится, – ответил демон неубедительно и без тени вины в голосе. – Видимо, моя древность наложила печать на твою молодость.»

– Печать?! Да я просто старик!

«Не преувеличивай. Ты выглядишь, как нормальный зрелый мужчина. Лично мне нравится наше новое лицо, такой облик производит впечатление на женщин. И потом, посмотри на это дело с другой стороны – старее ты уже не станешь. Мы вообще не будем стареть и переживем всех, ныне живущих.»

– Мы что, бессмертны? – осторожно спросил Бельфеддор.

«Своей смертью мы точно не умрем. Я изменил тебя не только внешне, пойми это и прими, как должное. Хорошо бы, чтоб у тебя еще и мозги вправились.»

– Что ты имеешь в виду? – оскорбленно спросил Бельфеддор.

«Ты всю ночь собрался торчать у этого столба и безропотно ждать, когда тебя отведут на суд коменданта Паттоко? С нашим новым лицом тебя никто не узнает и не заступится. А если ты признаешься, кто мы есть теперь, нас убьют еще скорее. Нас ведь могут обвинить в смерти Ксеттоса. Я не для того вселился в тебя, чтобы принять смерть на плахе.»

– Отчасти такой приговор будет справедлив, – заметил Бельфеддор, печально вздохнув. – Ведь именно ты убил моего господина.

«А ты убил меня, – напомнил демон. – Я-то уже наказан, а вот тебя казнят ни за что.»

– Что же ты предлагаешь? – спросил Бельфеддор.

«Дай мне свободу действий! – свирепо потребовал демон. – Я разорву эти ремни и оружием проложу нам путь на волю.»

– Ты устроишь резню, а я этого не хочу. Мы не в стане врагов.

«Друзей я здесь тоже не приметил, – прорычал демон. – Не будь тряпкой, соверши наконец решительный мужской поступок. Глупо оставаться пленником и ждать смерти, когда можешь стать свободным.»

В этот момент послышался стук копыт, к столбу подошел Мрак и ткнул Бельфеддора носом в плечо.

– Он опять отвязался, – удивленно прошептал Бельфеддор. – Как он это делает?

«Даже глупая скотина стремится к свободе, – заметил демон. – А ты так и будешь покорно ждать своей участи, как трусливый раб?»

Бельфеддор не успел ответить. Он почувствовал на своих руках влажные губы гиппариона, а через пару мгновений крупные зубы жеребца без труда разорвали ремни.

«Умный зверь! – восхищенно отметил демон. – Трудно было бы сыскать лучшего коня для воина. Жаль, что он не проживет столько, сколько мы. Впрочем, если ты не будешь прислушиваться к моим советам, мы лишимся головы гораздо раньше.»

– Да заткнись ты! – огрызнулся Бельфеддор.

Он обнял жеребца за шею и ласково потрепал его густую гриву.

– Благодарю тебя, Мрак.

Гиппарион добродушно фыркнул в ответ.

– А теперь тебе придется вынести нас отсюда, – произнес Бельфеддор.

Он взобрался на круп жеребца и бросил оценивающий взгляд в сторону ворот.

«Что ты задумал? – забеспокоился демон. – Мне почему-то кажется, что ты никогда раньше не ездил верхом.»

– Тебе правильно кажется, – подтвердил Бельфеддор. – Я впервые на коне. Но будь уверен, это не помешает нам перескочить ворота.

«Ты с ума сошел! – вскричал демон. – Мы свернем себе шею! Неизвестно даже, умеет ли прыгать этот жеребец! Он слишком тяжел для таких трюков!»

При этих словах Бельфеддор испытал злорадное удовлетворение от того, что сумел встревожить грозного демона.

– Умеет, – заверил он свою вторую половину. – Ксеттос специально тренировал его для больших скачек в Аттоко. Правда, он так и не выставил Мрака на арену.

Не желая больше пререкаться с демоном, Бельфеддор хлопнул коня ладонью и ударил пятками в бока. Мрак понял замысел своего седока и без страха помчался прямо на ворота. Мощным прыжком гиппарион без труда одолел препятствие – пожалуй, он смог бы взять барьер и повыше.

Воины, стоявшие на страже за воротами, даже не успели понять, что произошло: жеребец тенью пролетел над их головами и помчался по улице.

«Ты ненормальный! – вскричал демон. – Ты чуть нас не угробил! Мы могли грохнуться и сломать себе шею.»

– Не ты ли требовал от меня решительных действий? – напомнил Бельфеддор. – Ну, и кто же из нас трус?

«Но наше тело слишком хрупко для таких трюков. А ты не позволяешь мне проявить свою силу. Я не могу оставаться сторонним наблюдателем.»

– Будь доволен, что вообще можешь быть здесь, а не отправился в мир теней.

Послышались частые удары гонга, поднялся переполох. Разбрасывая в стороны пытавшихся задержать его людей, Мрак безудержно мчался к выездным воротам. Однако стражи, извещенные о тревоге звоном гонга, успели захлопнуть массивные створки ворот и заложить их тяжелым засовом.

Бельфеддор круто развернул жеребца. Мрак ударил задними копытами в щиты двух воинов, подбежавших слишком близко, – обоих отбросило далеко назад.

«И что теперь? – язвительно поинтересовался демон. – Эти ворота Мрак точно не перепрыгнет.»

– Вырвемся, – решительно ответил Бельфеддор.

Гиппарион помчался вдоль стены. Он, словно таран, сметал со своего пути пытавшихся остановить его воинов Кселлоса, слуг и рабов Абатура, просто случайных встречных людей. Бельфеддор не отказал себе в удовольствии отвесить попутно несколько пинков и затрещин. Демон же просто стонал от бессильной ярости и вынужденного бездействия.

Мощно оттолкнувшись, Мрак легко забросил себя и своего седока на пологую кровлю приземистого сарая. Оттуда гиппарион перескочил на такую же пологую крышу длинного склада и помчался дальше, кроша копытами черепицу.

«Это безумие! – волновался демон. – Если крыша проломится, Мрак сломает себе ноги, а мы – шею!»

Достигнув края строения, гиппарион остановился в нерешительности. Развернув жеребца, Бельфеддор увидел, что на крышу взбираются солдаты. Оглядевшись, он заметил на террасе гостевого дома, возвышавшегося по соседству, капитана Кселлоса. Старый воин внимательно следил за всадником на крыше.

– Придется постараться, Мрак, – прошептал Бельфеддор, припав к шее жеребца. – Ты сможешь это сделать.

Гиппарион согласно тряхнул головой.

«Эй, вы двое, вы что задумали?!» – опять забеспокоился демон.

– Заткнись хоть ненадолго, – ответил ему Бельфеддор. – Нам сейчас не до тебя.

Он отвел гиппариона от края крыши и снова развернул. Воины были уже совсем близко, их обнаженные бронзовые клинки угрожающе сверкали в свете факелов. Бельфеддор снова бросил взгляд на террасу гостевого дома. Капитан Кселлос едва заметно усмехнулся и покачал головой. Он отлично понял замысел Бельфеддора, и, видимо, отчаянная храбрость беглеца вызвала уважение в сердце старого воина.

– Вперед! – крикнул Бельфеддор и ударил гиппариона босыми пятками в бока.

«Что значит – вперед?! – завопил демон. – Куда, вперед?! Ты нас угровишь!»

Но ни Бельфеддор, ни тем более Мрак, уже не обращали никакого внимания на его вопли. Разогнавшись, гиппарион оттолкнулся от края крыши, перелетел через высокую ограду и шумно приземлился за стеной постоянного двора. Ноги жеребца подогнулись так, что он едва не коснулся брюхом земли, но уже через мгновение конь снова помчался вперед, прочь от постоянного двора, и вскоре растворился в ночи. Никто даже не попытался преследовать беглеца в кромешной тьме.

«Ты безумец! Настоящий безумец! – прорычал демон, когда огни гостиного двора Абатура совсем исчезли из виду и Бельфеддор перевел жеребца на шаг. – Наши души за просто могли расстаться с твоим хлипким телом. Хотя справедливости ради замечу, что это приключение меня взбодрило. Я уж опасался, что ты совсем не способен к решительным действиям.»

– А уж я-то как взбодрился, – произнес Бельфеддор, тяжело дыша. Его бил озноб, то ли от ночного холода, то ли от возбуждения. – А Мрак, по-моему, вообще в восторге. Ксеттос никогда не давал такой воли его силе.

«Зря ты не дал такой воли моей силе, – свирепо заметил демон. – Тогда бы уж мы развлеклись на славу.»

– Не сомневаюсь. – Бельфеддор даже весь передернулся, представив, какую бойню мог бы устроить грозный демон. – Но тебе придется умерить свою кровожадность.

«Почему? – несколько разочарованно спросил демон. – Мне показалось, что тебе самому понравилось наше приключение. Если же ты воспользуешься моей силой, мы станем могучи и непобедимы. Только подумай, какая бурная жизнь нас ждет. Уверен, ты будешь в восторге.»

– Это ты будешь в восторге, – недовольно ответил Бельфеддор. – Единственное твое желание – безнаказанно проливать реки крови. А я не желаю становиться убийцей.

«Опять затынул свою песню. Будь же ты, наконец, мужчиной, забудь свое рабское происхождение. Хватит унижаться перед богатеями и аристократами. Ты теперь свободный человек. Я наделил тебя огромной силой, глупо не воспользоваться ею.»

– Твоя сила разрушительна и смертоносна, – заметил Бельфеддор.

«Пусть так, но это Сила! Мы можем взять от жизни все, что пожелаем. Неужели ты предпочтешь этому рабское унижение? Подумай хорошенько, хоть раз напряги свои глупые мозги. Мы легко можем добиться власти и богатства, нам будут принадлежать красивейшие женщины. Кстати, у тебя вообще были женщины?»

– Советую тебе заткнуться, – недружелюбно пробурчал Бельфеддор.

«Видимо, нет, – сделал вывод демон с изрядной долей злорадного ехидства. – Конечно, какие могли быть женщины у глухонемого кривобокого раба? Слушайся меня, и мы быстро это исправим. Ну, ты решился наконец? Мы станем воином?»

– И не надейся, – отрезал Бельфеддор.

«Слунтай! Тряпка! – взъярился демон. – Ты не мужчина, а трусливая баба! Жалкий ничтожный раб! Ты не достоин имени, которым назвался!»

– Да? И что же ты сделаешь? – насмешливо спросил Бельфеддор. – Отнимешь у меня свое имя?

Демон лишь прорычал в бессильной злобе.

– Даже это тебе не по силам, – злорадно усмехнулся Бельфеддор. – Ты всего лишь бесплотный дух, так что знай свое место и не раздражай меня. Я сам решу, что мне делать, обойдусь и без твоих советов. А будешь надоедать, изгоню тебя из своего тела.

«Тогда ты опять превратишься в глухонемого калеку,» – осторожно заметил демон, стараясь сдерживать свою ярость.

– А ты вообще сдохнешь, – безжалостно ответил Бельфеддор. – А теперь заткнись. Я смертельно устал и хочу спать.

«Спать?! – возмутился демон. – А мне что делать, пока ты будешь дрыхнуть? Я вообще спать не умею.»

– И что?! – обозленно выкрикнул Бельфеддор. – Мне теперь из-за тебя совсем не спать, что ли? Заткнись и приглядывай за Мраком, чтобы не сбился с пути. Надеюсь, ты еще помнишь, что мы едем в Отоммосо. Если что случится, дай мне знать, но не вздумай разбудить меня просто так.

«Ладно, – проворчал демон. – Дрыхни, слабак.»

Бельфеддор припал к гриве Мрака, обняв жеребца за шею. Ночь была довольно прохладной, но Бельфеддор, жутко уставший за день, уснул почти мгновенно, покрепче прижавшись к теплему крупу гиппариона.

Когда он очнулся, солнце уже выглядывало из-за края горизонта, утренняя роса блистала мириадами искр в его первых лучах. Гиппарион неподвижно стоял посреди степи и мирно спал, склонив голову к высокой траве.

Бельфеддор потянулся, зевнул и недовольно поинтересовался:

– Чего мы здесь торчим?

«Жеребец утомился, – хмуро отозвался демон. – Вы, смертные, так слабы. Я решил дать Мраку отдых. Если он падет, нам придется топтать дальше пешком. Мне-то все равно, а вот тебе это может не понравиться.»

– Да, ты прав, – согласился Бельфеддор. – Мрак заслужил отдых.

Он сполз на землю и повел плечами, разминаясь. Мрак сразу очнулся ото сна. Повернув голову, он взглянул на хозяина и приветливо фыркнул.

– Отдыхай, Мрак, – произнес Бельфеддор, похлопав жеребца по шее. – Путь у нас дальний, сил нам потребуется много.

Мрак не выказал никаких протестов против такого решения хозяина.

– Хорошо ему, – вздохнул Бельфеддор. – Вон сколько травы сочной. А у меня уже брюхо сводит.

«В степи много живности, – отозвался демон. – Умеючи можно даже с ножом славно поохотиться.»

Бельфеддор опять вздохнул.

«Но ты, похоже, даже этого не умеешь, – понял демон. – Никчемный ты человечиска. Не быть тебе прославленным воином.»

– Я и не собирался, – проворчал Бельфеддор. – В мире есть более полезные занятия, чем оголтелая резня и убийство.

«Какие, например? – язвительно поинтересовался демон. – Прислуживать богатеям? Пойдем наниматься в слуги к какому-нибудь аристократу? Или продадим себя в рабство?»

– Тебе доставляет удовольствие постоянно напоминать мне, кем я был, – неприязненно заметил Бельфеддор.

«Ты им и остался, – ответил демон. – Тебе не хватает смелости, чтобы быть свободным человеком.»

– Тебя послушать, так свободный человек непременно должен быть воином, – усмехнулся Бельфеддор.

«Именно так, – жестко подтвердил демон. – Сила оружия необходима, чтобы сохранить собственную свободу. Подавляй других, чтобы они не подавили тебя. Топчи их безжалостно, или они растопчут тебя.»

Бельфеддор покачал головой.

– Я так не могу. Этот путь не для меня.

«Да, я уже понял, – проворчал демон. – Хотя, с другой стороны, может быть, это и правильно. Твое тело слишком хрупко, чтобы бросать его в бой. Есть еще один способ обрести власть и сохранить свободу. Правда, на мой взгляд, он менее надежен, чем острый меч, но для такого мягкотелого инфантильного человечка вполне подойдет.»

– И что за способ? – поинтересовался Бельфеддор.

«Мы станем богатым уважаемым господином. Будем жить в роскоши, во власти и почете. Сотни рабов и слуг будут удовлетворять все наши прихоти. Красивейшие женщины будут ублажать нас. Скучная жизнь для истинного воина, но не самая худшая доля для нас.»

– У тебя все мысли соскальзывают на женщин, – недовольно заметил Бельфеддор. – Жить в достатке и почете, конечно, заманчиво. Это лучше, чем жизнь безродного бродяги, тут я с тобой согласен. Но тогда нам придется вернуться в твоё подземелье, чтобы забрать оттуда все золото.

«Совсем не обязательно, – возразил демон. – Этот металл я могу добыть где угодно. Протяни руку. Да не туда, повернись направо.»

Бельфеддор послушно протянул руку в указанном направлении, с интересом ожидая, что за этим последует.

«Раскрой ладонь, – потребовал демон. – Лови!»

Высокая трава всколыхнулась, из нее вылетела золотая монета и упала в ладонь Бельфеддора.

– Как ты это сделал? – удивился он.

«Ты разве забыл, что я имею власть над золотом? Я чувствую его на расстоянии и могу притягивать. Нет такого золотого схрона⁴, который я не смог бы обнаружить. Скоро и ты научишься этому. Ведь теперь я – это ты, а ты – это я. Ну как? Мы станем беспечным развратным богатеем?»

– Я обдумую твоё предложение. Но сначала мы наведаемся в Отоммосо.

⁴ Схрон – тайник.

«Тоже неплохая мысль, – одобрил демон. – Этот город всегда ломился от золота. Почистим купеческие закрома.»

– Я совсем не это имел в виду.

«Зачем же ты так рвешься в столицу? Нас ждет там прелестная женщина?»

– Уймешься ты когда-нибудь? – рассердился Бельфеддор.

«Совсем забыл, что ты не любишь говорить о женщинах... – демон злорадно хохотнул. – Так что же тебе нужно в Отоммосо? Ты же убогий сирота, у тебя нет ни родни, ни друзей. Вся твоя семья – это я и этот жеребец.»

– Не бери на себя слишком много, – сердито осадил демона Бельфеддор. – А в Отоммосо мы едем к госпоже Тинее. Она племянница Ксеттоса и единственная его наследница.

«Ага! – восторжествовал демон. – Все-таки женщина!»

– Ничего общего с тем, о чем ты подумал. Капитан Кселлос кажется мне честным человеком, уверен, он проследит, чтобы люди Ксеттоса и все уцелевшее имущество купца вернулись к его наследнице. Я тоже честный человек и верну госпоже Тинее Мрака. Она его законная хозяйка.

«У тебя совсем мозги сотряслись, когда через стену прыгал! – взъярился демон. – Это наш жеребец, он сам к нам пришел, он хочет служить только нам. Это настоящий боевой гиппарион. Зачем такой жеребец холеной безмозглой девице? Может быть, ты и сам вернешься в хозяйскую собственность? Ты же был рабом Ксеттоса, значит, по закону тоже должен перейти по наследству.»

Такой довод заставил Бельфеддора растеряться.

– Об этом я еще как-то не подумал, – смущенно пробормотал он.

«И не пытайся, – злобно посоветовал демон. – Уверен, мне не понравится то, что ты можешь надумать. У тебя явная нехватка мозгов, ты слишком туп, чтобы думать.»

– Чего ты хочешь от меня?! – рассердился Бельфеддор. – Непросто вот так сразу изменить всю свою жизнь. С самого рождения я был рабом Ксеттоса, он вырастил меня. Я жил в его доме, все было просто и понятно – делай свою работу и получай за это кров и пищу. А теперь я вдруг остался совсем один. Непривычно заботиться о самом себе, а не о хозяине. И перестань оскорблять меня!

«Тогда научись, наконец, думать как свободный человек. Избавься от своих рабских привычек.»

– Какой же ты все-таки нудный, – устало вздохнул Бельфеддор.

«Да, со мной тебе нелегко придется, – признал демон с изрядной долей злорадства. – Но, надеюсь, мы еще подружимся.»

– Очень в этом сомневаюсь, – пробурчал Бельфеддор. – А сейчас мы все же должны ехать в Отоммосо. Предатель Омминос наверняка уже там. Неизвестно, с какой целью он организовал нападение на караван Ксеттоса. Быть может, госпоже Тинее угрожает опасность.

«Тогда советую поторопиться. Скоро нас нагонит капитан Кселлос со своим отрядом. Нам лучше вернуться на дорогу и постараться проехать через Паттоко раньше него.»

– Ты прав, – согласился Бельфеддор.

Он окликнул Мрака. Гиппарион тут же поспешил к хозяину. Взобравшись на круп жеребца, Бельфеддор направил его к Большой Императорской дороге, чтобы продолжить свой путь далее на закат, к стенам Отоммосо – новой столицы империи.

* * *

По мере приближения к Отоммосо дорога становилась все оживленнее. По пути встречались воинские отряды ногаров, торговые караваны, спешили гонцы с вестями, шагали

пешие путники. В отдалении над степью клубилась пыль – кочевые племена гнали свои стада на большой торг.

Отommосо был огромен. Пожалуй, не было на свете города более древнего, более великого, более богатого. Слава о нем гремела повсеместно, от Хингарских гор на восходе до Изумрудных лесов кадангов у берегов Безбрежного океана на закате, от полуночных лесов арамеев и хошимов, что называли город на свой лад – Орамос, до полуденных земель акатанов по другую сторону моря Горронга. Потому император Аммитетоннос и решил перенести столицу из древнего Аттоко в Отommосо. Сюда, на побережье, сходились торговые пути со всего мира – сухопутные и морские. Само море Горронга уже многие ногары именовали Круглым, ибо обширная Ногарская империя, раскинувшаяся на полсвета, охватила его со всех сторон.

Город был огромен. Чтобы добраться от одного его конца до другого, даже верхом, потребовался бы почти целый день. Число его жителей измерялось сотнями тысяч, не намного меньше было проезжающих. Здесь можно было встретить представителей любых рас и народов – самих ногаров, гордо именующих себя повелителями мира, белокурых кадангов, лесных варваров арамеев и хошимов, кочевников гипитов, смуглых каттанцев и ардонаев, чернокожих жителей полуденного побережья и Акатании – всех вобрал в себя Отommосо.

Город был крупнейшим торговым центром – целые кварталы состояли из купеческих дворов, лавок, складов, амбаров, конюшен. Обширные рынки жили своей жизнью, словно маленькие города. Ежедневно они принимали и отпускали десятки торговых караванов. Здесь можно было приобрести все, что угодно – оружие, украшения, домашнюю утварь, продовольствие, скотину. На невольничьих рынках можно было сравнительно недорого купить раба любого пола и возраста. В этом прибрежном городе, в самом центре работорговли их стоимость была не столь высока, как в глубине континента. Впрочем, юные девушки и юноши, наделенные особой красотой, даже здесь ценились довольно высоко, их стоимость на аукционах достигала немалых сумм.

Огромный порт, раскинувшийся на все побережье, также существовал торговлей. Ежедневно к многочисленным причалам швартовались купеческие галеры, на берег сходили колонны рабов, переносились тюки, ящики с товарами, бочки и кувшины с заморскими винами и пряностями. Приняв на борт амфоры с зерном, изделия искусных ногарских мастеров из стекла и фарфора, ткани, кованые изделия, инструменты и оружие, прочий груз, корабли вновь уходили в море. Постоялые дворы, кабаки, термы⁵ – все это служило удобствам и удовольствиям как гостей, так и горожан, а также приносило немалую прибыль своим владельцам.

Город был развитым ремесленным центром. Почти всю Потанскую его часть, расположенную между полуночью и закатом, занимали кварталы гончаров, стекольщиков, кузнецов, кожевников, ткачей. В мастерских от рассвета до темноты трудились тысячи мастеров, наемных рабочих, рабов, в этой части города постоянно стоял шум – звон металла, стук, бряк, грохот, клубился дым печей. Производственные постройки и жилища рабочих и рабов перемешивались в невообразимом архитектурном хаосе, неприемлемом для планировки прочих городов Ногары. Только жилища именитых мастеров и владельцев мастерских стояли обособленными дворами-усадебками. Изделия отоммосских ремесленников были широко известны по всей Ногарской империи и пользовались большим спросом.

Это был также и культурный центр империи. Величественные храмы принимали сотни паломников со всего света, в их университетах молодые люди высшего сословия, наставляемые учеными жрецами, постигали различные науки. Храмовые библиотеки хранили

⁵ Терма – баня.

древние пергаментные манускрипты, медные, серебряные и золотые таблицы, содержащие труды давно ушедших в мир теней мыслителей. Сами жрецы составляли особую касту привилегированного сословия. Это были люди образованные, искушенные в магических науках, пользующиеся большим уважением в обществе и огромным влиянием. Кроме того они были близки к бессмертным богам, и даже сам император не имел официальной власти над служителями культа. Жреческое сословие вело свою обособленную жизнь, не вмешиваясь в дела государственных мужей и простого народа, но и не допуская непосвященных в таинства собственного бытия. Могущество жрецов проявлялось во всем – торжественных помпезных празднествах, нарочито показном богатстве и роскоши, способных затмить великолепие императорского двора, культовых постройках. Величественная пирамида Центрального храма занимала площадь, равную пяти городским кварталам, а грандиозные башни, служившие обсерваториями жрецов-отшельников, поднимались выше облаков.

За тысячи лет город накопил сказочные богатства. Резиденции знати не уступали, а порой и превосходили своим великолепием императорские постройки в Аттоко. Стараясь перещеголять друг друга, вельможи покрывали купола своих дворцов золотом и серебром, для отделки стен доставляли белый мрамор с Потанских гор, черный из Хингары и даже красный из Акатании. Вокруг дворцов разбивались фруктовые сады и тенистые рощи с бассейнами и фонтанами.

Кроме всего прочего Отоммосо являлся неприступной крепостью. Мощные стены, двадцатикратно превышающие высотой человеческий рост, опоясывали весь город. Со стороны моря город также был защищен. На скалистых мысах, укрывающих гавань и порт от штормов, высились гранитные бастионы. Баллисты и катапульты на их стенах были способны поразить цель на расстоянии семисот шагов.

Все это послужило причиной решения императора Аммитетонноса перенести свой двор из тихого Аттоко в шумный, вечно живой и бесконечно огромный Отоммосо.

Новая столица империи встретила Бельфеддора своей обычной шумной суетой – древний город не знал покоя ни днем, ни ночью.

«Здесь все так же оживленно, – заметил демон. – Давненько я тут не бывал, пожалуй, уже полтысячи лет. Куда мы едем?»

– В усадьбу Ксеттоса, – тихо ответил Бельфеддор.

«Ты по-прежнему хочешь избавиться от Мрака? Глупо.»

– Жеребец не принадлежит нам. Неизвестно, что ждет нас в будущем, но я не хочу начинать новую жизнь с обмана.

«Ты непроходимо глуп и упрям,» – со злобой проворчал демон.

– Не нравится – ищи себе другое тело, – огрызнулся Бельфеддор.

Решив срезать путь, он свернул с центральной улицы и углубился в трущобные кварталы. Это было довольно рискованно: в таких местах ошивались далеко не лучшие представители рода человеческого, здесь жили по своим законам – по праву сильного. Даже патрули городской стражи не отваживались заходить в глубину подобных кварталов. Контролировать всех и вся в таком огромном городе, каким являлся Отоммосо, было просто невозможно, а потому разного рода проходимцы, авантюристы и прочие лихие люди чувствовали себя вполне вольготно в лабиринтах тесных улочек старых кварталов, среди многочисленных трущоб и притонов. Человеческая жизнь здесь не стоила и гроша. Одиноким всадник представлял собою лакомую добычу – объезженные гиппарионы ценились довольно высоко, да и стальное оружие стоило целое состояние. Но уже близился вечер, а Бельфеддор не желал вламываться в дом благородной госпожи среди ночи и поэтому избрал более короткий путь, хотя и более опасный.

С наступлением сумерек улицы опустели. В отличие от центральных районов, где жизнь не замирала ни днем, ни ночью, здесь с приходом темноты все затихало. Мало кто

отваживался покидать жилища в темное время суток: слишком уж велик был риск окончить свои дни на мостовой. Детям же и женщинам грозила участь быть похищенными и проданными в рабство – многие капитаны галер охотно скупали нелегальный живой товар, чтобы выгодно продать за морем. Здесь вершились темные дела, поэтому и весь район носил название – Темный город.

Услышав женский крик, Бельфеддор натянул поводья. Из переулка выбежала девушка в легких одеждах, по виду похожая на танцовщицу. Споткнувшись, она упала прямо под копыта Мрака. Бельфеддор спрыгнул на землю и помог девушке подняться.

«Ты только взгляни, какой чудный цветочек попал к нам в руки! – восхитился демон. – Я же говорил, что женщины сами будут валиться к нашим ногам.»

Действительно, несмотря на растрепанный вид, девушка была на редкость красива. Ее стройный гибкий стан едва прикрывали легкие одежды и пышные каштановые волосы, волнами ниспадавшие до пояса, а в прелестном личике даже самый искушенный эстет вряд ли отыскал бы какой-либо недостаток. Ее большие выразительные глаза с испугом и надеждой смотрели на Бельфеддора. Девушку действительно можно было сравнить с прелестным нежным цветком, в этом демон был прав.

– Что случилось, девушка? – спросил Бельфеддор. – От кого ты бежишь?

– Помоги мне, господин! – взмолилась девушка. – За мной гонятся! Меня хотят убить!

«Она права, – подал голос демон. – Трое парней уже совсем близко. Я посоветовал бы держать оружие под рукой.»

– Не бойся, – произнес Бельфеддор. – Я не дам тебя в обиду.

«Ну да, – скептически усмехнулся демон. – Ты хотя бы нас защитить сумеешь.»

«А ты мне на что? – отозвался Бельфеддор. – Можешь проявить свою силу, ты ведь давно этого добивался. Но одно условие: обойдемся без убийства.»

«Наконец-то! – кровожадно возликовал демон. – Вообще-то я совсем не прочь размотать этим типам кишки и вырвать им сердца, но раз ты желаешь их пощадить, так и быть, мы их просто покалечим.»

Из темноты переулка выбежали три человека. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: встреча с такими типами в темное время суток не сулила ничего доброго. Все трое невысокие, коренастые, широкоплечие, в плотных дорожных плащах, под которыми можно было спрятать кинжал или меч, их лица надежно скрывали капюшоны.

Увидев Бельфеддора и девушку, громилы остановились.

– Эй, приятель! – окликнул Бельфеддора один из них. – Ты поймал чужую птичку.

– За что вы преследуете бедную девушку? – спросил Бельфеддор.

– А это уж не твое дело, – ответил громила, подходя ближе.

Его товарищи также приблизились.

– Отдай девчонку и проваливай, пока цел, голодранец.

Предводитель троицы откинул полу плаща и демонстративно положил ладонь на рукоять короткого меча. Бельфеддор отстранил девушку себе за спину и ответил:

– Ее вы не получите.

– Ты сам напросился, босяк.

Громила рванул меч из ножен.

«Повеселимся, дружище,» – мрачно произнес демон.

В тот же миг Бельфеддор почувствовал всю грозную мощь существа, чье имя он принял. В мгновение ока демон полностью овладел их общим телом и принял бой. Занесенный для удара меч оказался в руке Бельфеддора, а его владелец скорчился на мостовой, держась за вывихнутое запястье. В следующий миг бронзовый клинок рассек бедро другого противника. Третий благоразумно отступил.

– Убирайтесь отсюда, – приказал Бельфеддор.

Ночные убийцы предпочли не спорить с босоногим голодранцем и уковыляли обратно в переулочек. Бельфеддор швырнул меч им вслед.

«Ты доволен? – спросил демон. – Я никого не убил, как ты и хотел. Жаль, веселье было слишком недолгим. Я даже не разогрелся. Может, поищем себе еще десяток врагов, здесь наверняка полно всяких негодяев.»

«С тебя и этого хватит, – осадил его Бельфеддор. – Но, честно говоря, ты был великолепен. Вижу, тебе можно доверять – хотя бы иногда.»

«Мне всегда можно и нужно доверять. А теперь давай заедем на постоянный двор и уложим эту девчонку в постель. Ты только посмотри в ее глаза. Она хочет нас, точно тебе говорю.»

«Заткнись, – потребовал Бельфеддор. – Сделал свое дело, теперь умолкни.»

Он оглянулся. Девушка, прижавшись спиной к забору, действительно смотрела на него с восторгом и обожанием широко раскрытыми глазами. Встретившись с ней взглядом, Бельфеддор даже испытал некоторое смущение. Девушка подбежала к своему спасителю и упала перед ним на колени.

– Благодарю тебя, господин.

– Встань, девушка, – потребовал Бельфеддор и сам поднял ее, обняв за плечи. – Я не господин, я простой человек. Как твое имя?

– Исинта. А как зовут тебя, господин?

«Можешь назвать ей наше имя, – разрешил демон. – Здесь оно уже давно забыто.»

– Бельфеддор, – назвал бывший раб Ксеттоса.

Исинта снова склонилась перед ним.

– Благодарю тебя, господин Бельфеддор. Ты спас мне жизнь.

– Перестань кланяться, Исинта, – потребовал Бельфеддор. – Я же сказал тебе, что я простой человек. Кто ты? Где твой дом?

– Мой дом далеко, – ответила девушка. – Я всего лишь рабыня. Мой хозяин благородный господин Соттанос.

– Как же ты оказалась здесь, в этом квартале? – удивился Бельфеддор. – Почему эти люди гнались за тобой?

– Случайно я услышала странный разговор в доме моего хозяина. Я не знаю, кто эти люди, но они замыслили убить некоего знатного господина. Меня заметили и попытались задушить. Мне удалось вырваться и сбежать, я пряталась здесь. Но эти люди выследили меня. Прошу тебя, господин, не оставляй меня одну. Мне очень страшно.

Бельфеддор помог девушке взобраться на круп жеребца. Усевшись позади нее, он взял поводья и сказал:

– Я отвезу тебя в надежное место, там о тебе позаботятся. Конечно, если ты не против.

– С тобой, господин Бельфеддор, я готова ехать куда угодно, – ответила Исинта.

«Она точно нас хочет! – не унимался демон. – Надо ехать на постоянный двор. Ну же, будь, наконец, мужиком.»

«Можешь ты думать о чем-нибудь другом?» – сердито отозвался Бельфеддор.

«Не могу. Я триста лет жил в одиночестве на развалинах.»

Бельфеддор пустил Мрака вскачь. Вскоре гиппарион вынес своих седоков из убогих кварталов Темного города и вернулся на просторные широкие улицы. Добраться до усадьбы Ксеттоса засветло Бельфеддор не успел, на город опустилась ночь, когда он подъехал к знакомым воротам.

Спешившись, Бельфеддор помог девушке спуститься на землю, потом взялся за медное кольцо и постучал в ворота. Ждать пришлось недолго: со скрипом отворилась калитка, бородатый человек осветил поздних гостей фонарем. Бельфеддор узнал его – то был Цеттес, дворовый слуга Ксеттоса.

– Кто вы? – спросил Цеттес.

– Путники, – ответил Бельфеддор. – У меня есть вести для госпожи Тинеи об ее дяде господине Ксеттосе.

– Я доложу госпоже, – сказал Цеттес и захлопнул калитку.

«Народ здесь не слишком гостеприимный, – с обычной злобой заметил демон. – Могли бы и внутрь пригласить.»

«Кто бы говорил, – ответил Бельфеддор. – Сам-то как гостей встречал на своих развалинах?»

Вскоре загремел засов, и двое рабов распахнули ворота.

– Проходите, – пригласил путников Цеттес. – Госпожа примет вас.

Бельфеддор завел гиппариона во двор. Девушка последовала за своим спасителем. Бельфеддор снял оружие со спины Мрака и передал поводья рабам. Затем вместе с девушкой он проследовал за Цеттесом в господский дом.

– Ждите здесь, – сказал Цеттес, проводив гостей в просторный триклиний⁶. – Госпожа выйдет к вам.

Бельфеддор огляделся. Это помещение было отлично ему знакомо, здесь Ксеттос принимал своих доверенных, казначеев и прочих своих служащих.

Из внутренних покоев появились две рабыни-служанки. Они раздвинули тяжелые занавеси плотного полога, в холл вышла молодая красивая женщина в парчовой палле⁷. Ее жгучие черные волосы были собраны в аккуратную прическу и украшены нитями жемчуга. Мочки ушей женщины слегка оттягивали золотые серьги, а на шее красовалось жемчужное ожерелье. Ее изящные ножки, обутые в мягкие сандалии, ступали легко и неслышно. На холеных белых руках позвякивали золотые браслеты. Гордой осанке купеческой племянницы могла бы позавидовать любая благородная аристократка.

«Это и есть Тинея?! – восхищенно спросил демон. – Теперь я понимаю, почему мы так стремились сюда. Одобряю твой выбор, дружище. Исинта просто несмышленная девчонка, а это настоящая баба. Охмуряй ее скорее!»

Бельфеддор с превеликим удовольствием ударился бы головой о стену, если бы был уверен, что сможет причинить этим боль похотливому злобному демону. В очередной раз посоветовав ему заткнуться, Бельфеддор отвесил почтительный поклон хозяйке дома и произнес:

– Приветствую тебя, госпожа. Прошу простить нас за поздний визит.

Он с трудом удержался, чтобы по привычке не опуститься перед ней на колени. Исинта также учтиво поклонилась наследнице Ксеттоса.

– Привет и тебе, путник, – ответила Тинея. – Кто ты? Твой лик мне незнаком.

Тон ее голоса был довольно холодный. Впрочем, Бельфеддору это не удивило: племянница Ксеттоса всегда смотрела свысока на людей более низких сословий. А Бельфеддор в своих разодранных одеждах и полуодетая Исинта никак не походили на людей состоятельных. К тому же оба были босы – так ходили только рабы и нищие бродяги.

– Мое имя Бельфеддор, госпожа, – назвался гость. – Я простой путник. Прости, но недобрые вести принес я в твой дом.

– Говори, – разрешила Тинея.

– На караван Ксеттоса напали варвары, – сообщил Бельфеддор. – Караван разграбили, а сам Ксеттос погиб.

Вопреки его ожиданиям, Тинея восприняла печальное известие довольно спокойно, она лишь чуть нахмурила брови.

⁶ Триклиний – гостиная, холл.

⁷ Палла – верхняя женская одежда (древнеримск.).

– Откуда тебе это известно? – спросила Тиня.

– Я случайно оказался в его лагере во время схватки, – солгал Бельфеддор. – Варвары захватили все золото, серебро и часть товаров. На следующий день к месту ночной стоянки подошел военный отряд капитана Кселлоса. Он обещал привести остатки каравана в крепость Паттоко и позаботиться, чтобы все уцелевшее имущество и люди Ксеттоса вернулись домой. Он благородный воин и честный человек, будь уверена, он сдержит свое слово. Я же привел тебе любимого вороного жеребца твоего дяди. Еще я должен предупредить тебя, что начальник стражи Омминос предал своего господина. Это он заманил караван Ксеттоса в ловушку. Я своими глазами видел, как Омминос присоединился к варварам. Будь осторожна, госпожа, он может замыслить что-нибудь недоброе и против тебя.

– Я приму к сведению твое предупреждение, путник, – кивнула Тиня. – Весть твоя печальна, но я вижу, что ты честный человек, и ценю это. Я готова вознаградить тебя. Ты вправе требовать, что пожелаешь.

«Не оплошай, приятель, – подал голос демон. – Ты знаешь, что нам нужно.»

– Я прошу тебя принять в свой дом эту девушку и позаботиться о ней, – произнес Бельфеддор, указав на спутницу. – Ее зовут Исинта.

– Она твоя рабыня? – спросила Тиня.

– Нет, случайная спутница, – ответил Бельфеддор. Он предпочел вообще умолчать о том, что Исинта является рабыней. – Какие-то разбойники преследуют ее и хотят убить. Мне же ничего не нужно, только ночлег. Утром я уйду.

«Ну и дурак же ты!» – свирепо прорычал демон.

– Пусть будет так, – не стала возражать Тиня. – Я приму эту девушку на службу. Ты же можешь переночевать в доме для слуг. Там тебя накормят. Цеттес, проводи.

– Благодарю тебя, госпожа, – произнес Бельфеддор, поклонившись.

Исинта испуганно посмотрела на своего спасителя, взгляд девушки, казалось, умолял не оставлять ее. Бельфеддор ободряюще кивнул спутнице.

– Не бойся, Исинта. Здесь ты в безопасности.

Повинуясь жесту своей госпожи, рабыни увели Исинту во внутренние покои. Еще раз поклонившись хозяйке усадьбы, Бельфеддор в сопровождении Цеттеса отправился в дом для слуг.

Как и обещала Тиня, Бельфеддора сытно накормили, после чего предоставили ложе в отдельной комнате на втором этаже.

«Ну, и чего ты добился, тупица? – прорычал демон в бессильной ярости, когда гостя оставили одного. – У нас нет ни коня, ни золота, ни женщины. Валяемся в одиночестве на драном тюфяке. Мы что сюда – ради миски похлебки столько ехали? Хотя бы девчонку ты мог оставить себе.»

– Столетия бессмертия нисколько не прибавили тебе мудрости и терпения, – сердито пробормотал Бельфеддор. – Можешь ты хоть иногда думать головой, а не тем местом?

«Голова у нас теперь общая, – злобно огрызнулся демон. – И то место, кстати, тоже. Неплохо бы уже пустить его в ход.»

– Уймись, – потребовал Бельфеддор. – Скажи лучше, тебе не показалось странным, как Тиня восприняла весть о смерти своего дяди? Она совсем не кажется опечаленной.

«А чего ей печалиться? Теперь она наследница всего состояния своего дядюшки. Но вообще-то ты прав, приятель, ее поведение немного подозрительно. Такое впечатление, что смерть Ксеттоса для нее вовсе не новость. Советую держать оружие под рукой. Мне здесь совсем не нравится.»

– Не беспокойся, здесь нам ничто не грозит. Это мой родной дом, я вырос здесь. Будет очень жаль покидать его.

«Не вздумай здесь остаться, – предостерег демон. – Скоро вернутся слуги Ксеттоса с остатками каравана. Если они расскажут, как тебя арестовал Кселлос и как ты сбежал от него, мы хлопот не оберемся. Уверен, ты скорее предпочтешь расстаться с собственной башкой, нежели позволишь мне защитить нас.»

– Не рычи, – огрызнулся Бельфеддор. – Сам знаю, что нам нельзя здесь оставаться. Не беспокойся, утром уйдем.

Он с наслаждением вытянулся на ложе.

«Неплохо бы нам обзавестись приличной одежкой, – заметил демон. – Сколько можно ходить в рванье и босиком?»

– На какие гроши мы это купим? – усмехнулся Бельфеддор. – У нас не осталось ни одной монетки.

«Меньше надо было одаривать нищих по дороге, – проворчал демон. – Ну, ничего, денег мы добудем без труда. Я чувствую, что в здешних подвалах сундуки ломятся от золота.»

– Не смей ничего красть здесь, – сердито предупредил Бельфеддор.

«Ладно, займемся промыслом в другом месте,» – легко согласился демон.

– Мы еще обсудим этот вопрос, – сказал Бельфеддор, укладываясь на ложе поудобнее. – А сейчас давай спать. Я смертельно устал сегодня.

«Я никогда не сплю, – напомнил демон. – А ты дрыхни, я постерегу твой сон. Какие же вы, люди, все-таки слабые.»

Под охраной вечно-бодрствующего демона Бельфеддор спокойно уснул. Однако задолго до рассвета в его сознание ворвался знакомый свирепый голос:

«Просыпайся! Скорее!»

– Что случилось? – пробормотал Бельфеддор, с трудом очнувшись ото сна.

«Тихо! – потребовал демон. – Лежи и не двигайся. К нам кто-то лезет в окно.»

Прислушавшись, Бельфеддор действительно различил шорох снаружи.

«Что я должен делать?» – спросил он уже про себя.

«Ничего, – ответил демон. – Предоставь это мне.»

«Действуй, – разрешил Бельфеддор. – Только поаккуратней, обойдемся без лишней крови.»

«Как скажешь,» – с нескрываемым разочарованием согласился демон.

Бельфеддор вновь почувствовал прилив сил, демон приготовился защитить их общее тело от любой атаки.

В окно осторожно забрался человек и, стараясь не шуметь, спустился на пол. Неслышно ступая, он приблизился к ложу Бельфеддора.

«У него всего лишь сыромятный ремешок, – сообщил демон. – Удушить нас задумал. Эх, наивная душонка, нас ремешком не возьмешь.»

Едва только руки незнакомца протянулись к горлу Бельфеддора, тот мгновенно поднялся на ноги. Схватив ночного визитера, Бельфеддор легко швырнул его в стену. Несостоявшийся душитель проломил собою глинобитную перегородку и вывалился в соседнюю комнату. Тут же в проломе появился другой человек, а в дверь ворвался еще один.

«А эти уже с кинжалами! – оживился демон. – Парни хотят настоящего веселья!»

Бельфеддор даже не успел заметить, как оказался в военном снаряжении демона, а в руках появились тяжелые стальные мечи. В этих старинных клинках словно таилась магическая сила, их тяжесть вдруг показалась Бельфеддору приятной, он, всю жизнь бывший услужливым домашним рабом, неожиданно для себя самого почувствовал себя настоящим воином. Ему передан боевой дух древнего кровожадного демона, его злобно-восторженная воинственность. Человек и демон слились воедино и стали одним целым, безотказным боевым механизмом. С этого мига они уже понимали друг друга без слов.

Легким ударом Бельфеддор рассек руку одному из нападавших. Выронив кинжал, тот зажал рану ладонью. Вторым клинком Бельфеддор выбил кинжал из руки другого противника и ударом ноги выбросил нападавшего за дверь.

«Там еще пятеро, – сообщил демон. – Снесем им башки или сбежим?»

– Лучше сбежим, – ответил Бельфеддор. – Не хочу проливать кровь в доме, где вырос.

Бросившись к окну, Бельфеддор выпрыгнул во двор. Упав с высоты второго этажа, он прокатился по твердой утоптанной земле, вскочил на ноги и побежал к воротам. Он одним мощным ударом перерубил деревянный засов и, распахнув ворота, выбежал на улицу.

– Зачем мы это сделали? – запоздало спросил Бельфеддор. – Рядом же была калитка.

«Немного увлеклись,» – весело ответил демон.

Вся усадьба осветилась огнями, многочисленная прислуга и стража высыпала во двор.

– Хватайте приезжего! – послышался крик. – Он навлек грабителей на дом нашей госпожи!

Не дожидаясь погони, Бельфеддор вложил мечи в ножны за спиной и побежал прочь.

«Подожди немного,» – остановил его демон.

– Что случилось?

«Кажется, кое-кто хочет к нам присоединиться.»

Из темноты послышался стук копыт, а вскоре рядом остановился гиппарион. Его едва можно было различить во тьме, но Бельфеддор и без подсказки демона догадался – Мрак вновь отвязался и последовал за ним.

– Что ж, пусть будет так, – произнес Бельфеддор, улыбнувшись, и потрепал гриву гиппариона. – Отныне, Мрак, ты будешь нашим боевым конем.

«Много же времени тебе понадобилось, чтобы принять, наконец, такое решение, – проворчал демон. – Садись быстрее – и едем отсюда.»

Бельфеддор послушно взобрался на круп гиппариона и направил жеребца в Темный город.

«Ищем новых приключений? – деловито осведомился демон, когда копыта Мрака ступили на тесные грязные улочки трущобных кварталов.»

– Просто скрываемся от преследования, – пояснил Бельфеддор. – Никак не могу понять, кто подослал к нам убийц? Что такого мы сделали?

«Тут и понимать нечего, – злобно ответил демон. – Это явно дело рук хозяйки. Вот баба проклятушая! Не зря она мне сразу не понравилась.»

– Недавно ты говорил совсем другое, – рассмеялся Бельфеддор.

«Я лишь хотел, чтобы мы переспали с ней, – попытался оправдаться демон. – А жить с ней я не собирался, она не внушает никакого доверия.»

– Все-таки странная история, – задумчиво произнес Бельфеддор. – Зачем ей наша смерть? Может быть, это вовсе и не ее идея? Тогда чья?

«Не ломай голову, – посоветовал демон. – Остались целы – и ладно.»

– Нет, я хочу во всем разобраться. Происходит что-то странное. Проклятие! Ведь я оставил там Исинту! Что теперь будет с ней?

«Уж не собираешься ли ты вернуться за ней? – оживился демон. – Мы можем устроить славное побоище!»

– Не сомневаюсь. – Бельфеддор тяжело вздохнул. – Но мы не будем проливать кровь в этом доме. Мы обязательно найдем Исинту, но сначала... Сумеешь ли ты добыть немного золота?

«Не вопрос. Как только я его учую – считай, оно уже наше.»

– Тогда едем. В здешних притонах оседает много награбленных драгоценностей. Заставим кого-нибудь поделиться.

«Мне нравится ход твоих мыслей, – одобрил демон. – А что ты намерен делать, когда мы разбогатеем?»

– Я знаю одну оружейную лавку близ порта, – ответил Бельфеддор. – Там можно купить любые доспехи и снаряжение. Нам нужны седло и сбруя для Мрака, одежда и доспехи для себя. Подозреваю, что в поисках правды и справедливости нас ждет множество опасностей, и лучше нам встретить их во всеоружии. Мы станем воином, ты научишь меня этому. Мы найдем Исинту и разберемся во всей этой темной истории.

«Наконец-то ты взялся за ум! – возликовал демон. – Поворачивай направо. Я чувствую запах золота.»

* * *

В трапезной было довольно шумно, здесь царило оживление в любое время суток. Постоялый двор располагался близ одного из главных путей, связывавших порт с центральными воротами Отоммосо, здесь останавливался почти всякий, кто направлялся из порта в город или наоборот – и знатные горожане, и простолюдины. Это был не какой-то захудалый трактир вроде портового кабака или притонов Темного города, а вполне приличное заведение с гордым звучным названием «Императорский жезл». Близость солдатских казарм и бдительные дозоры городской стражи если и не отпугивали от постоялого двора лиходеев, авантюристов и прочих сброд, то по крайней мере заставляли их вести себя пристойно. Путешественники могли без опаски останавливаться здесь на ночлег: хозяин дорожил репутацией своего заведения.

В просторном зале собралась довольно пестрая публика. За длинными столами сидели благородные аристократы в богатых одеждах, волей судьбы вынужденные стать путешественниками, купцы, возвратившиеся или только собирающиеся отправиться в дальние странствия, моряки с обветренными лицами в просоленных морем одеждах, странствующие воины, готовые за сходную плату предложить свои мечи всем и каждому. Здесь были не только приезжие, но и просто горожане, завернувшие сюда отдохнуть в жаркий полдень. Люди пили и ели, играли в кости, обменивались новостями, торговые люди договаривались о возможных сделках, аристократы нанимали слуг или телохранителей.

Вбежавший с улицы босоногий мальчишка в рваной грязной тунике, один из тех сорванцов, что без толку шляются по городским улицам с утра до ночи, остановился в нерешительности и окинул зал взглядом. Он даже приподнялся на цыпочки, выискивая кого-то глазами. Оказавшийся рядом хозяин, дородный мужик в льняной рубахе до колен, перетянутой широким поясом, цепко схватил мальчишку за ухо.

– Ай! – вскрикнул мальчишка, скривившись. – Отпусти, господин! Больно!

– Ты чего здесь вертишься, дьяволенок? – грозно спросил хозяин. – Собираешься срезать кошелек у какого-нибудь благородного господина?

– И в мыслях не было! – воскликнул мальчишка. – Я ищу господина Бельфеддора. Он сказал, что остановится здесь.

Услышав это имя, хозяин сразу разжал пальцы. Человек, о котором спрашивал мальчишка, действительно поселился в гостевом доме, истребовав себе самые просторные покои, которые хозяин обычно предоставлял лишь благородным аристократам или богатым купцам. Но Бельфеддор платил полновесным золотом, а вид имел слишком уж грозный. Когда он въехал на постоялый двор верхом на своем вороном жеребце, в первый миг всем показалось, что перед ними появился самый настоящий демон. Бельфеддор был черен, как ночь, вся его одежда, все снаряжение были практически одного мрачного цвета – сапоги черной кожи, черные шерстяные шаровары, поверх черной льняной рубашки тускло блестела пластинчатая кольчуга из вороненого железа. На плечах Бельфеддор носил грубый плащ из

шкурки черного лесного тура, а на голове его красовался рогатый шлем, обычный для воинов-кадангов. Из-за спины воина торчали рукояти двух мечей устрашающего вида. Они были скрыты в ножнах под плащом, но хозяин успел разглядеть их, когда показывал постояльцу его покои. Это были не бронзовые клинки, обычные для Ногары и всего цивилизованного мира. Это была настоящая сталь, большая редкость – такую, по слухам, умели ковать лишь северные чародеи в мрачных лесных пещерах Рубидана или племенные жрецы канганов. Только они умели добывать железо из небесных камней⁸ и превращать его в несокрушимую сталь. Однако форма клинков была необычна. И канганы, и рубии ковали мечи прямые, обоюдоострые, эти же были однолезвийные, слегка изогнутые, с крюком на обратной стороне, отдаленно напоминавшие кривые мечи полуденной Ногары.

Невозможно было определить, откуда Бельфеддор родом. Крупным телосложением он был под стать рослым северным варварам, но отличался от них темной кожей. Такая смуглость была обыкновенна для жителей знойного Каттана или Ардоная. Однако, в отличие от безбородых обитателей берегов континента на восходе, лицо Бельфеддора обрамляла черная густая борода. Из-под шлема почти до плеч спадала грива черных же волос. Крючковатый нос, глубоко посаженные глаза, смотревшие сурово из-под густых бровей, сросшихся на переносице, придавали его лику вид мрачный и даже угрожающий.

Под стать своему хозяину был и черный жеребец. Любой опытный наездник мог с первого взгляда определить, что гиппарион наделен беспредельной выносливостью и чудовищной силой. Добродушно фыркавший при виде Бельфеддора, он злобно сопел на конюхов, а в его глазах загорался дьявольский огонь. Казалось, он таил в себе всю свирепую мощь диких гиппарионов-тарпанов, что вольными табунами паслись в степях от побережья до арамейских лесов.

Все это в один миг пронеслось в голове хозяина постоялого двора, и он поспешно отпустил мальчишку. Какие бы общие дела ни связывали маленького попрошайку с грозным постояльцем, хозяин не собирался рисковать и становиться им помехой. Он благоразумно указал мальчишке, где искать Бельфеддора.

Маленький сорванец вприпрыжку поднялся на второй этаж обширного гостевого дома, пробежался по длинной галерее и, несмело толкнув дверь, осторожно вошел в покои приезжего. Взгляду его предстало занятное зрелище.

Бельфеддор стоял посреди просторной комнаты спиной к двери и размахивал мечами, словно сражался с кем-то невидимым. Создавалось такое впечатление, что он впервые взял в руки оружие – так неуклюжи были его движения. Как ни старался Бельфеддор избежать этого, все же клинки сшиблись меж собой и один из мечей выпал из его руки.

– Проклятие! – выругался Бельфеддор, в сердцах отшвырнув второй клинок. – Я никогда не научусь этому. Легко тебе говорить, ты целыми столетиями только этим и занимался. В подземелье – это была случайность. Придется нам, видимо, полагаться лишь на твой опыт и силу.

– С кем ты разговариваешь, господин? – недоуменно спросил мальчишка.

Бельфеддор резко обернулся.

– А, это ты Галган, – произнес он несколько смущенно. – Тебя разве не учили спрашивать разрешения перед тем, как войти?

– Нет, – честно ответил мальчишка. – Прости меня, господин.

– Ладно уж, – Бельфеддор добродушно махнул рукой. – Что-нибудь разузнал?

– Да, господин.

– Тогда рассказывай.

– Ты обещал заплатить, господин.

⁸ Небесный камень – метеорит

– Я это помню, – кивнул Бельфеддор. – Что у тебя с ухом?

Галган коснулся своего покрасневшего уха, побывавшего в крепких пальцах хозяина постоянного двора, и уклончиво ответил:

– Да так...

– Будешь меня сердить, второе станет таким же, – пригрозил Бельфеддор. – Живо рассказывай все, что узнал.

– Хорошо, господин, – ответил мальчишка, ничуть, впрочем, не испугавшись угрозы.

Бельфеддор уже знал, какой облик получил благодаря поселившемуся в его теле демону: его нынешний вид мог внушить опасение даже бывалым воинам. Этот же маленький озорной дьяволенок нисколько его не боялся, возможно, в силу юного возраста. Бельфеддор встретил мальчишку утром близ оружейной лавки в районе порта и дал ему ответственное поручение. Судя по озорному блеску в глазах, Галган справился со своей задачей и рассчитывал на щедрое вознаграждение.

– Никакой Исинты в доме госпожи Тиней нет, – сообщил мальчишка.

– Как это нет? – насторожился Бельфеддор. – Я сам привел ее туда.

– Я знаю, господин. Там только и разговоров, что о ночном происшествии. Все ищут девушку, о которой ты говорил. На рассвете приехал господин Омминос, после этого и начался новый переполох. Никто толком ничего не знает, но вроде бы Исинта накануне сбежала из дворца господина Соттаноса, где оказалась совсем недавно, а господин Омминос должен был изловить ее, но его людям помешал какой-то всадник. Похоже, это был ты, господин. Когда госпожа Тиней узнала, что Исинта та самая девушка, которую ищет господин Омминос, она очень рассердилась. Теперь люди Омминоса ищут Исинту и тебя. И лучше бы тебе быть поосторожнее, господин, у него на службе отчаянные головорезы.

– Но куда же подевалась Исинта? – удивился Бельфеддор.

– Госпожа Тиней думает, что ее увел ты, – ответил Галган. – Скорее всего, она сбежала и спряталась в Темном городе или еще где-нибудь. Тебя также обвиняют в краже вороного жеребца, но пока не заявили городской страже. Как я слышал, Тиней и Омминос хотят обойтись без вмешательства властей.

– Это все?

– Да, господин.

– Держи.

Бельфеддор бросил мальчишке монету, тот поймал ее на лету. Глаза Галгана округлились, когда он увидел, что монета золотая. Видимо, он рассчитывал самое большее на серебро. Но демон умел добывать лишь золото, и Бельфеддору поневоле приходилось проявлять щедрость. Впрочем, сейчас он нисколько не жалел об этом: смысленный бойкий мальчишка нравился ему и безусловно заслужил награду за свои труды.

Спрятав монету под тунику, Галган деловито осведомился:

– Что-нибудь еще, господин?

– Да, хочу спросить тебя, Галган. Ты целые дни проводишь на улицах, тебе, наверное, знакомы все кварталы?

– Почти, – ответил мальчишка, решив проявить скромность. Хвастовство было неуместно: весь Отоммосо не мог знать никто, даже всемогущие жрецы.

– И у тебя наверняка полно приятелей по всему городу? – продолжал спрашивать Бельфеддор.

– Имеются, – не удержавшись, Галган напустил на себя важный вид. – А что ты хочешь, господин?

– Я хочу, чтобы ты поднял на ноги всех бродяг, нищих и воришек в этой части города. Тот, кто укажет мне, где находится Исинта, получит щедрое вознаграждение. Конечно, я не забуду наградить и тебя.

Мальчишка озадаченно поскреб в затылке и произнес:

– Ну, не знаю, господин. Это очень сложная задача. В Отоммосе трудно найти человека, тем более если он скрывается.

– Не разочаровывай меня, Галган. Мне казалось, в этом городе нет никого сообразительнее и расторопнее тебя.

– Это, конечно, так, – важно согласился мальчишка.

– Ну, так постарайся.

– Хорошо, господин, – кивнул Галган. – Я передам эту весть всем друзьям, они разнесут ее дальше. Каждый нищий будет знать, кого ему искать. За золото они постараются.

– Но будь осторожен, приятель, – предупредил Бельфеддор. – Не попадись головорезам Омминоса.

– Не попадусь, господин, – весело пообещал Галган и выбежал за дверь.

«Славный парнишка, – одобрительно прорычал демон. – Думаешь, он справится?»

– Впервые слышу, что тебе кто-то смог угодить, – усмехнулся Бельфеддор. – А в его способностях я не сомневаюсь. Никто не знает этот город лучше, чем такие вот мальчишки и нищие. Они подмечают все, на что другие не обращают внимания, и разносят слухи со скоростью ветра. Почему ты меня не предупредил, что он пришел? В его глазах я выглядел круглым дураком.

«Ты такой и есть, – не удержался от ехидства демон. – Я увлекся нашей тренировкой и не обратил на него внимания, он не представляет для нас опасности. Подбери оружие. Негоже благородным клинкам валяться на полу, словно веникам.»

Бельфеддор поднял мечи, спрятал их в ножны и предложил:

– Пойдем пообедаем. Хозяин хвастался, что у него самые лучшие жареные гуси на всем побережье.

«Пойдем,» – не стал возражать демон.

Прихватив туго набитый кошель, Бельфеддор спустился вниз, пересек двор и вошел в шумный трапезный зал. К нему тут же подбежал сам хозяин.

– Чего изволит господин? – любезно осведомился он.

– Господин хочет есть, – ответил Бельфеддор.

– Прошу сюда.

Хозяин усадил постояльца на свободное место за одним из столов, выслушал пожелания клиента и проворно убежал на кухню. Вскоре перед Бельфеддором уже стояло блюдо с хваленым жареным гусем и кувшин лучшего вина.

«Справедливости ради должен заметить, что гусь неплох, да и вино вполне приличное,» – произнес демон, когда блюдо наполовину опустело.

«Ты разве чувствуешь вкус?» – удивился Бельфеддор.

«Дружище, я чувствую все, что чувствуешь ты. Тело-то у нас одно на двоих. Неплохо бы и тебе перенять мои чувства и инстинкты, тогда ты сможешь сам учуять врага за пятьдесят шагов.»

«Не бурчи. Лучше скажи, что ты думаешь о тех новостях, которые принес мальчишка? Я так понял, что Тиня, Омминос и Соттанос связаны общими делами. Не стал ли Ксеттос жертвой их заговора?»

«Возможно, ты прав, – согласился демон. – Отыщем Исинту, может быть, сможем несколько прояснить ситуацию. Ты насытился? Пойдем продолжим тренировку. Ты должен научиться хотя бы держать мечи.»

«Не вижу в этом необходимости, – возразил Бельфеддор. – У меня есть ты, а ты от меня никуда не денешься.»

«Как и ты от меня,» – злорадно добавил демон.

«Посидим еще немного. Хочу послушать, о чем здесь говорят.»

Запив вином последний кусок мяса, Бельфеддор отставил в сторону стеклянный кубок и прислушался к разговорам соседей.

Двое слева, по виду купцы, обсуждали цены на скот и рабов в разных краях империи. Компания моряков справа шумно вспоминала схватку с чернокожими племенами где-то по другую сторону моря. Напротив приезжий старик аристократического вида расспрашивал простолюдина, где можно купить хорошенького умелого юношу для плотских утех. Бельфеддор неодобрительно поморщился, он не понимал этой страсти некоторых богачей к сомнительным постельным забавам.

А вот сзади разговоры, кажется, были поинтереснее. Услышав знакомое имя, Бельфеддор насторожился.

– Видимо, кое-какие делишки Соттаноса всплыли на поверхность, и слухи дошли до императора, – говорил один человек другому. – Говорят, что император очень рассердился. Он не любит казнокрадов.

– Да, положение у Соттаноса сейчас незавидное, – согласился собеседник. – Все-таки, большие деньги очень меняют людей, причем не в лучшую сторону. Хотя кто бы удержался на его месте? Ведь строительство нового дворца велось три года в спешном порядке, и расходовались невероятные суммы.

– Выходит, что Соттанос этим и воспользовался. Продавал государственных рабов, отмечая их умершими, сбывал кое-какие материалы, просто прикарманивал средства. Это, конечно, всего лишь слухи, но люди зря болтать не станут. Хотя лично мне верится в такое с трудом. В бытность мою при дворе в Аттоко я слышал о Соттаносе, как о приличном, кристально честном человеке, хотя лично с ним знаком не был. Возможно, ты прав насчет того, что большие деньги портят людей. Как бы там ни было, для проверки император прислал другого своего советника – Октонноса. Он назначен комендантом дворца. Императорский караван прибудет через неделю. Если к тому времени Октоннос установит факт хищения, Соттаносу очень не поздоровится.

– А я слышал, что здесь каким-то боком причастен Омматоннатос, – произнес второй, понизив голос.

– Ну, самого наследника трона никто не посмеет обвинить, – ответил его товарищ так же тихо. – Император многое ему прощает. В любом случае все шишки посыплются на Соттаноса.

Бельфеддор повернулся к говорившим. За соседним столом спиной к нему сидели двое людей, судя по богатым одеждам, какие-то аристократы.

– Прошу прощения, господа, – обратился к ним Бельфеддор. – Меня заинтересовал ваш разговор.

Аристократы обернулись. Один из них оказался стариком с голым черепом и аккуратной седой бородкой. Его товарищ был значительно моложе, решительное лицо и характерный блеск в глазах свидетельствовали о задиристом характере, свойственном, впрочем, очень многим молодым ногарским аристократам. На его поясе красовался легкий короткий меч.

– Тебя разве не учили, что нельзя подслушивать беседу благородных господ? – весьма недружелюбно поинтересовался молодой, – голос его звучал высокомерно и даже с вызовом.

– Еще раз прошу прощения, – учтиво извинился Бельфеддор, хотя демон посоветовал ему выбить зубы молодому грубияну. – Я случайно услышал знакомое имя и невольно прислушался к вашему разговору.

Молодой аристократ явно хотел ответить что-то грубое и дерзкое. Бельфеддор, хоть и отличался от прочих простолюдинов, все же никак не мог быть ровней благородным ногарским аристократам, а следовательно, не был достоин какого-либо уважения с их стороны. Молодой человек даже взял плетъ со своего стола с явным намерением пустить ее в ход при

малейшем поводе. Благородные ногары не церемонились со всяким сбродом, собравшимся в Отоммосо со всего мира. Однако старик жестом остановил своего товарища и произнес:

– Не горячись, мой друг. Этот человек пока ничем не заслужил твоего гнева.

Молодой нехотя убрал руку с плети, видимо, только из уважения к старику. Пожилой ногар окинул Бельфеддора внимательным взглядом и спросил:

– Кто ты?

– Мое имя Бельфеддор, я простой путешественник.

– Иноземный бродяга, – пренебрежительно процедил молодой сквозь зубы.

Старик бросил в его сторону неодобрительный взгляд и примирительно произнес:

– Не обижайся на моего молодого друга, Бельфеддор. Он солдат, и длительные военные походы выветрили из него хорошие манеры. Его имя Аттеконнос, он совсем недавно вернулся в Отоммосо из похода на потанов. Меня же зовут Ксаннос. Ты хотел что-то спросить, Бельфеддор?

– О, да. Но не позволите ли вы мне присоединиться к вашему столу и угостить вас добрым вином?

– Мы не нуждаемся в угощении бродяги, – надменно ответил Аттеконнос, опередив своего пожилого товарища.

– Друг мой, этот человек всего лишь старается быть вежливым, – осуждающе сказал Ксаннос. – Прояви же и ты снисходительность.

– Мне понятна эта неприязнь, – усмехнулся Бельфеддор. – Знатные ногары не жалуют нас, жителей присоединенных провинций. Однако в пути я встретил некоего капитана Кселлоса, так этот благородный воин не считает для себя зазорным водить дружбу с хозяином постоянного двора южанином Абатуром и пользоваться его гостеприимством.

Аттеконнос встрепенулся, его колючий взгляд неожиданно потеплел.

– Ты знаком с капитаном Кселлосом? – спросил он.

– Немного, – скромно ответил Бельфеддор. – Мы встретились случайно, когда он вел свой отряд в крепость Паттоко. Достойный воин.

– Это так, – кивнул Аттеконнос. – Очень жаль, что его нет сейчас в Отоммосо.

– Перебирайся за наш стол, Бельфеддор, – пригласил Ксаннос.

Аттеконнос больше не стал возражать, и Бельфеддор пересел к ногарам. По его требованию один из слуг принес кувшин вина и наполнил стеклянные кубки.

– Так о чем же ты хотел спросить, Бельфеддор? – спросил Ксаннос.

– Имя Соттанос привлекло мое внимание, – ответил Бельфеддор. – Я недавно в Отоммосо, но слышал его уже несколько раз. Вы кажетесь мне людьми знающими. Не могли бы вы рассказать мне, что это за человек?

– Что за странный интерес у инородца к делам благородного ногарского вельможи? – с подозрением спросил Аттеконнос.

– Просто пытаюсь удовлетворить собственное любопытство, – осторожно произнес Бельфеддор.

Аттеконноса такой ответ явно не убедил, Ксаннос же усмехнулся и сказал:

– Как показывают последние события, благородства в господине Соттаносе гораздо меньше, чем казалось. Скорее уж он подобен рыночному барыге, а не аристократу.

– Кто же он таков? – спросил Бельфеддор.

– Советник императора, – ответил Ксаннос. – Наш повелитель Аммитетоннос поручил ему строительство нового дворца в Отоммосо. Три года он руководил инженерными работами и, похоже, неплохо нагрел на этом руки.

– Он пользуется большим влиянием? – снова спросил Бельфеддор.

– Безусловно, – кивнул Ксаннос. – Ведь он советник самого императора и пользуется расположением Омматоннатоса, наследника трона. Правда, в последнее время государь

несколько охладел к своему вельможе, до него дошли слухи о казнокрадстве. Император прислал для проверки другого своего советника Октонноса.

– Но если у тебя предполагаются какие-то трения с Соттаносом, приятель, лучше держись от него подальше, – посоветовал Аттеконнос. – Если верить слухам, он довольно скользкий тип, и, как бы ни пошатнулось его могущество, все равно останется на плаву.

– Но ведь это только слухи, – произнес Бельфеддор. – Можно ли им верить?

Аттеконнос пожал плечами.

– Кто знает? Дыма ведь без огня не бывает, а такие высокопоставленные вельможи умеют избавляться от неугодных людей. В этом городе ежедневно гибнут десятки людей при самых странных обстоятельствах, и не все из них простолюдины.

Последнюю фразу Аттеконнос произнес столь многозначительно, что Бельфеддор настороженно спросил:

– Уж не хочешь ли ты сказать, господин Аттеконнос, что к некоторым убийствам может быть причастен сам Соттанос?

– Все может быть. – Аттеконнос снова пожал плечами с деланным безразличием. – Просто за последнее время исчезло много людей, кто так или иначе был причастен к строительству дворца.

– Об этом лучше не говорить, – остановил Ксаннос молодого друга. – Здесь слишком много посторонних ушей вокруг. В конце концов, все это действительно лишь слухи и домыслы, пока ничем не подтвержденные. Но в одном Аттеконнос прав: таким людям, как Соттанос, Октоннос и им подобные, приближенным к трону – лучше не становиться поперек дороги. Руки у таких людей очень длинные. Что касается самого Соттаноса, на задворках его дворца частенько толкутся темные личности, готовые за пригоршню монет сделать все, что угодно.

– Благодарю вас, что просветили меня, – произнес Бельфеддор. – Прошу прощения, благородные господа, но должен покинуть вас. Желаю вам всего хорошего.

– Пусть и тебе сопутствует удача, Бельфеддор, – доброжелательно ответил старик.

– Будь здоров, приятель, – небрежно бросил Аттеконнос.

Решив обдумать полученные сведения на свежем воздухе, Бельфеддор забрал свое снаряжение, оседлал Мрака и выехал с постоялого двора.

«Ну, и чего ради мы столько времени трепали языком с этими господинчиками?» – недовольно и насмешливо спросил демон.

– Теперь мы имеем представление о том, кто такой хозяин Исинты, – тихонько пробормотал Бельфеддор.

«Ничего мы не узнали, – проворчал демон. – Одни лишь слухи и домыслы, а люди любят приврать. Но лично мне все это не нравится. Ты затягиваешь нас в водоворот чужих страстей. Я же чувствую – ты всерьез собрался распутать загадку гибели Ксеттоса. А следы, похоже, ведут к Соттаносу. Я готов встретиться с полусотней противников в открытом бою, но очень опасаясь получить нож в спину. Из того, что мы сегодня услышали, ясно, что можем дожидаться именно такой участи.»

– Не преувеличивай, – ответил Бельфеддор. – Я всего лишь хочу помочь Исинте, и ничего больше.

«Кого ты пытаешься обмануть, глупец? – прорычал демон. – Не забывай, я живу внутри тебя, и от меня ничего не утаишь. А Исинту наверняка уже прикончили.»

– Она жива, – убежденно возразил Бельфеддор. – Я чувствую это сердцем.

«Значит, скоро прикончат, – не унимался демон. – Девчонка, видимо, слишком много знает, или кто-то думает, что она много знает. И нас зарежут или отравят, если влезем в чужие дела.»

– Не скули, – проворчал Бельфеддор. – Оскорблял меня всю дорогу, а сейчас сам ведешь себя, как трусливая баба. Сам же хвастался, что можешь учуять противника за пятьдесят шагов. И потом, именно ты неоднократно жаловался на скучную жизнь. Вот тебе приключения – развлекайся.

Такой довод заставил демона надолго замолчать.

Когда Бельфеддор вернулся к постоянному двору, у ворот его встретила стайка чумазых ребятишек. Едва завидев черного рогатого всадника на вороном жеребце, детвора гурьбой бросилась к нему.

– Вам чего? – недоуменно спросил Бельфеддор, не сообразив сразу, чем вызвано внимание маленьких попрошайек к его персоне.

– Ведь это ты господин Бельфеддор? – спросил старший из ребят.

Бельфеддор кивнул.

– Беда, господин! Галгана поймали!

– Кто?! – встревожился Бельфеддор.

– Какие-то разбойники из Темного города.

– Вы знаете, где его держат?

– Она знает, – предводитель сорванцов указал на маленькую девчонку лет семи.

– Едем, покажешь мне это место.

Наклонившись, Бельфеддор подхватил девчонку и усадил ее впереди себя.

– А это вам.

Он бросил детворе несколько монет и пришпорил Мрака.

– Их много, господин, – испуганно пискнула девчонка.

– Ничего, разберемся.

«Не успели еще отыскать Исинту – так уже мальчишку выручать надо,» – неодобрительно заметил демон.

– Не ворчи, – вслух ответил Бельфеддор, забывшись. – Зато у тебя появился отличный повод размяться.

«Вот это другое дело!» – сразу повеселел демон.

Девчонка испуганно посмотрела на Бельфеддора, не понимая, с кем он разговаривает, но спрашивать что-либо не решилась.

Указанный малышкой дом Бельфеддор узнал сразу. Именно в этом воровском притоне он наполнил свой кошель золотыми монетами накануне.

– Постереги моего гиппариона, крошка, – мрачно попросил Бельфеддор, спешившись. – А я пойду поздороваюсь с хозяевами.

Девчонка испуганно припала к холке Мрака, обняв жеребца за шею и зарывшись носом в его густую гриву.

Ударом ноги Бельфеддор выбил хлипкую дверь и вошел в дом. Галгана он увидел сразу. Мальчишка, раздетый донага, был подвешен за связанные руки на медном крюке у стены. На его худеньком теле виднелись свежие рубцы – видимо, уже успел отведать плетей. Перед мальчишкой стоял звероватого вида мужик с раскаленной кочергой в руке, явно намереваясь подвергнуть маленького пленника пытке.

– Стой! – грозно потребовал Бельфеддор.

Палач обернулся. Сидевшие у очага люди поднялись, из темных углов появились еще несколько человек. Всего их оказалось полтора десятка, и каждый был вооружен до зубов.

Разбойники узнали Бельфеддора не сразу, да и трудно было узнать в грозном воине утреннего босоногого гостя. Но скоро они догадались, кто вломился в их убежище.

– Это снова ты! – яростно воскликнул их предводитель, выхватив меч. – Теперь ты живым не уйдешь!

Взглянув на истерзанного ребенка, Бельфеддор отчетливо произнес:

– Мне ничуть не жаль этих мерзавцев. Можешь утолить свою кровожадность, дружище.

Головорезы слегка опешили.

– Эй, ты с кем разговариваешь, недоумок?! – крикнул предводитель.

Бельфеддор не стал отвечать. Тот, к кому были обращены его слова, отлично понял его. Мечи словно сами прыгнули в ладони Бельфеддора, и в следующий миг дом наполнился шумом схватки.

Галган очень ослабел от побоев, но оставался в сознании. С изумлением он смотрел на своего нанимателя. Грозный воин в черных доспехах ничем не напоминал того неуклюжего увальня, которого мальчишка видел в «Императорском жезле». Движения его были точны и стремительны, стальные клинки в его руках уподобились сверкающим разящим молниям. Разбойники валились, как снопы, от его смертоносных ударов, не успевая даже сделать выпад. Один из них в страхе выскочил за дверь, но тут же влетел обратно с разбитым носом и отпечатком копыта на лбу – Мрак не остался в стороне от побоища, учиненного хозяином.

Вскоре все головорезы лежали мертвыми. Бельфеддор снял Галгана с крюка, перерезал веревку на его руках.

– Как ты, приятель? – спросил Бельфеддор, присев рядом. – Живой?

– Я крепкий, – гордо ответил мальчишка, натягивая свою тунику.

– Вижу, – улыбнулся Бельфеддор. – Как тебя угораздило попасться к ним в лапы?

– Случайно. Я уже говорил тебе, господин, что тебя ищут люди Омминоса. Он думает, что ты скрываешься здесь, в Темном городе. За тебя обещана хорошая награда. Все головорезы в здешних кварталах знают об этом. Эти типы узнали, что я работаю на человека по имени Бельфеддор, и сцапали меня. Они хотели выпытать, где ты прячешься. Но я им тебя не выдал, господин, ты не думай.

– Я верю тебе, – сказал Бельфеддор с улыбкой. – Ты узнал что-нибудь об Исинте?

– Конечно, – ответил мальчишка. – Я же не весь день тут висел. Ее поймали головорезы из шайки Брисса и продали одному дельцу в Зеленых рощах по имени Легон. Он собирается выставить девушку на торги сегодня ночью на Императорской площади.

– Разве он не знает, что эта девушка нужна Омминосу? – удивился Бельфеддор. – Ведь за нее наверняка обещана хорошая награда.

– Брисс продал Исинту Легону еще до того, как стало известно о розыске, – пояснил мальчишка. – А Легону наплевать на Омминоса, на торгах он заработает гораздо больше. Богачи любят красивых девушек и готовы платить за них огромные деньги.

– Но ведь люди Омминоса могут отбить девушку у Легона, – обеспокоился Бельфеддор.

– Это вряд ли, – успокоил его Галган. – У Легона на содержании лучшие головорезы в округе, и он в хороших отношениях с начальником местной стражи, его никто не тронет.

– Хорошо, буду искать Исинту на торгах. Но сначала...

Бельфеддор поднялся во весь рост и громко произнес, нисколько не заботясь тем, что его слышит мальчишка:

– Дружище, кажется, в прошлый раз мы вытряхнули из этого притона не все, что тут есть.

«Ты прав, – подтвердил демон. – Золотишко тут еще осталось.»

– Так давай его сюда, – распорядился Бельфеддор. – Сегодня ночью оно нам понадобится.

Демон не заставил себя долго упрашивать. Бельфеддор развел руки в стороны, словно высвобождая невидимую силу, и глазам изумленного Галгана предстала невероятная картина. Все вокруг пришло в движение. Из карманов убитых разбойников, из укромных угол-

ков дома, даже из тайников в стенах и земляном полу вылетали золотые монеты и украшения и падали к ногам Бельфеддора. Скоро перед ним собралась небольшая горка, блестящая в свете очага.

– Ты колдун, господин?! – изумленно воскликнул Галган.

– Почти, – ответил Бельфеддор.

Он собрал трофеи в два узелка, один из которых, поменьше, вручил мальчишке.

– Держи, обрадуешь свою матушку. Ближайшие полгода тебе не придется попрошайничать.

– Ты слишком щедр, господин, – произнес Галган, не решаясь принять его дар.

– Ты храбрый парень и заслужил награду, – ответил Бельфеддор. – Идем.

Он вывел мальчишку на улицу. Девчонка, все так же сидевшая верхом на гиппарионе, испуганно припала к холке Мрака. Но узнав Бельфеддора, малышка снова приподнялась. Мрак шумно фыркнул, приветствуя хозяина.

– Не страшно было? – спросил Бельфеддор маленькую наездницу.

Девчонка энергично помотала головой.

– Храбрая девочка, – похвалил Бельфеддор. – Можешь поблагодарить ее, – сказал он Галгану. – Это она подсказала, где тебя искать.

– Это моя сестренка, – с важностью сообщил мальчишка.

– То-то, я смотрю, вы так похожи, – усмехнулся Бельфеддор. – Поехали, я отвезу вас домой.

Он поднялся в седло, помог взобраться мальчишке и усадил его себе за спину. Мрак понес троих седоков прочь из Темного города.

– Возьми меня к себе, господин, – вдруг попросил Галган.

– Куда к себе? – не понял Бельфеддор.

– В слуги, – пояснил мальчишка. – У тебя же нет ни слуг, ни рабов.

– Нет, – решительно отказал Бельфеддор. – Ты парень храбрый и смелый, но мне не нужны слуги.

«Не спеши отказываться, – произнес демон. – Мальчишка шустрый и отлично знает город и весь сброд, что ошивается в трущобах. Он может нам пригодиться. В крайнем случае, будет чистить наше оружие.»

«Я не хочу подвергать его опасности, – ответил Бельфеддор. – Ему и так уже досталось из-за нас. Судя по всему, нас ждет еще немало кровавых стычек, и лучше ему не присоединяться к нашей компании.»

Обескураженный решительным отказом своего нанимателя, мальчишка не решился настаивать. Оставив ребят в одном из кварталов бедноты близ порта, Бельфеддор направился в центр Отоммосо.

* * *

Уже совсем стемнело, когда Бельфеддор выехал на Императорскую площадь.

В бытность свою рабом у Ксеттоса Бельфеддору довелось увидеть большой императорский дворец в Аттоко. Новый дворец превосходил старый во всех отношениях и своим величием уступал, пожалуй, лишь центральному храму. Казалось невероятным, что столь грандиозное сооружение было воздвигнуто человеческими руками всего за три года. Почти двести тысяч рабов днем и ночью трудились на возведении нового дворца, не менее полсотни тысяч умерло от непосильной работы. Каменные блоки и мрамор для строительства непрерывно подвозили из Потанских гор сушей и морем, для украшения дворца со всей империи согнали камнерезов, краснодеревщиков, стеклодувов. Хватило работы и мастеров

вым из ремесленных кварталов Отоммосо. И вот, наконец, новая цитадель Ногарской империи была готова встретить повелителя.

Новый императорский дворец поднимался ввысь уступами, подобно гигантским ступеням. Его высокое квадратное основание украшала тройная колоннада по всему периметру. В глубь дворца со всех четырех сторон вели широкие, шагов в пятьдесят, мраморные лестницы, исчезая в огромных порталах. Выше, по углам, центральный корпус цитадели сжимали четыре пирамиды, подобные храмовым сооружениям или усыпальницам в Долине Царей в Старой Ногаре. На каждой из просторных террас меж пирамид с легкостью мог бы гарцевать целый эскадрон. Стройные колоннады фасада, изящные башенки и облицовка из белого мрамора придавали всему строению вид воздушный и величественный. Венчал строение стеклянный купол. Днем дворец блистал в лучах солнца, ночью же его освещали тысячи факелов, светильников, ламп, свечей.

Внутренние покои дворца без труда могли бы вместить добрый десяток тысяч человек. Не менее вместительны были и подземелья дворца, предназначенные для содержания под арестом личных врагов императора, коих, впрочем, было не так уж и много.

На все стороны вокруг дворца раскинулись просторные площади. Когда-то здесь располагались кварталы бедноты и особняки зажиточных горожан. При начале строительства все безжалостно разрушили, а жителей изгнали, не считаясь с сословиями. Богачи переселились в другие районы, простой же люд, лишившийся крова, расселился по трущобным кварталам, подобным Темному городу, или пополнил армию бездомных попрошаек и мелких воришек, в избытке наводнявших улицы Отоммосо.

На самой большой площади с полуночной стороны дворца, обращенной в сторону Центральных ворот и именуемой Императорской, всю ночь кипела жизнь. Так уж повелось само собой с начала строительства, что именно здесь с наступлением темноты собирались богатые бездельники, жаждущие развлечений – аристократы, вельможи, военные сановники, купцы и прочие. Частенько в пестрой толпе попадались студенты храмовых университетов и даже их духовные наставники-жрецы. Люди утонченные предавались рассуждениям об искусстве и науках, порой о политике, азартная молодежь состязалась в скачках, фехтовании и прочих единоборствах, и, конечно же, на все делались немалые ставки. В отличие от Арены, где выступать пристало лишь простолюдинам и рабам-гладиаторам, здесь свою удачу мог показать любой – будь то гвардеец, жрец или советник самого императора. Иные же, и таких было большинство, просто гуляли, наслаждаясь этим еженощным праздником, либо предавались пьянству в веселой компании – благо, в вине здесь недостатка не было.

Сюда же каждую ночь устремлялись дельцы и затейники всех мастей, готовые предложить благородной публике за звонкую монету любые развлечения и блага земные. На площадь стекались музыканты, поэты, шуты, хозяева игорных заведений выставляли своих лучших танцовщиц, бродячие акробаты давали представления, торговцы вином и фруктами разворачивали свои палатки. Тут же сновали разные прохиндеи, предлагая обширный набор услуг благородным господам, что неосмотрительно явились без собственных слуг и рабов. Нередко на площади разворачивались аукционы, где кипели нешуточные страсти, ибо торговцы живым товаром выставляли на продажу красивейших девушек и юношей.

В это место и приехал Бельфеддор. Спешившись, он неспешно прогуливался по площади, присматриваясь к людям. Мрак неотступно следовал за хозяином.

Через каждые сто шагов стояли широкие бронзовые чаши светильников, в которых многочисленные вольнонаемные слуги из простолюдинов всю ночь поддерживали огонь. Эти светильники освещали всю площадь. Здесь было на что посмотреть. Ловкие акробаты развлекали знать своими трюками, под звуки кифар, флейт и бубнов прелестные танцовщицы завораживали публику соблазнительными танцами. Со всех сторон звучал разногласный гомон.

Многие смотрели на черного воина с нескрываемым презрением: здесь было слишком много благородных аристократов, чистокровных ногаров с древней родословной. Как бы ни был внушителен и грозен облик Бельфеддора, для большинства собравшихся на площади он оставался всего лишь простолюдином, чужеземным бродягой. Тем не менее, никто не препятствовал ему, встречные расступались, пропуская угрюмого воина и его свирепого жеребца.

– Не желает ли господин чего-нибудь? – услужливо поинтересовался вынырнувший из толпы человек с хитрой физиономией и бегающими глазками, один из тех, что предлагали свои услуги направо и налево и с первого взгляда безошибочно определяли, насколько полон кошель потенциального нанимателя. – За скромную плату я готов выполнить любое поручение.

«Этот тип мне не нравится, – заявил демон. – От него разит продажностью. Гони прочь этого прощельгу.»

На сей раз Бельфеддор согласился со своей второй половиной: ему и самому вид незнакомца не внушал доверия. Поэтому он грозно прорычал, придав своему лику, и без того не слишком добродушному, вид крайне свирепый:

– Пока у меня только одно желание – чтобы ты убрался подальше. И хоть оно бесплатное, тебе лучше поторопиться.

Побледнев, человек отступил прочь и поспешил затеряться в толпе.

Рядом раздался звонкий смех. Бельфеддор повернул голову и увидел молоденького ногарского аристократа, скорее мальчика, чем юношу, в скромной тоге белого льна поверх льняной туники. В отличие от многих представителей своего класса, он не имел множества украшений, лишь на безымянном пальце левой руки блестел золотой перстень. Его легкие сандалии своей простотой немногим отличались от обуви простолюдинов.

Перехватив хмурый взгляд Бельфеддора, молодой человек поспешно зажал рот ладонью, заглушив собственный смех. Тут же убрав ладонь, он произнес:

– Прости, незнакомец, если мой смех оскорбил тебя. Просто было очень забавно наблюдать, как ты прогнал этого проныру.

Юноша снова весело рассмеялся. В смехе юного аристократа было столько детского задора, что Бельфеддор не смог сдержать улыбку.

– Я несколько не оскорблен, – ответил он. – Смейся, сколько угодно, если тебя что-либо забавляет.

– Благодарю за разрешение, – весело сказал юноша и отвесил Бельфеддору шутливый поклон.

Бельфеддор рассмеялся.

– Разве пристало благородному ногарскому аристократу кланяться чужеземному бродяге? – спросил он.

– А какая разница? – беззаботно отозвался юноша. – В конце концов, все мы дети одной матери-природы.

– Только одних своих детей она почему-то любит гораздо больше, чем других, – заметил Бельфеддор.

– Это точно, – согласился собеседник. – Как твое имя, незнакомец?

– Бельфеддор.

– Довольно непривычно на слух, хотя в этом есть что-то знакомое. Такое чувство, что я уже слышал это имя когда-то давно. Даже не могу предположить, из каких краев ты родом.

– Родился я в Отоммосо, – ответил Бельфеддор. – А имя свое получил далеко отсюда много позже. Но это слишком долгая и личная история, чтобы я мог сейчас ее рассказывать.

– Это твое право, – не стал настаивать юноша. – А мое имя Аттаннасис.

Заметив удивленный взгляд Бельфеддора, юноша развел руками и удрученно произнес:

– Знаю, это имя больше напоминает женское. Но так уж нарекли меня отец с матушкой, не мне противиться их решению.

«А он и вправду похож на девчонку, – ехидно заметил демон. – На рабском аукционе ему б цены не было. Такой нежненький, мяконецкий.»

«Молчи, гнусный развратник, – осадил его Бельфеддор. – Тебя скоро лошадиные задницы привлекать начнут.»

Вслух же он произнес:

– Не стоит смущаться своего имени. Я вижу, ты неплохой парень.

Бельфеддор ободряюще похлопал юношу по плечу, но тут же, спохватившись, отдернул руку и поспешил извиниться:

– Прошу прощения, господин.

Аттаннасис рассмеялся.

– Не беспокойся, я не страдаю зазнайством. И ради всего святого, не называй меня господином. Попробуй представить нас обоих со стороны – это же, по крайней мере, смешно.

«Это уж точно,» – поддержал его демон.

Бельфеддор был вынужден признать правоту обоих. Рослый воин, почтительно называющий господином тщедушного безусого юнца, действительно выглядел довольно нелепо.

– Подозреваю, что ты впервые попал на Императорскую площадь в такой час, – высказал предположение Аттаннасис. – Каким ветром тебя занесло сюда? Хочешь поучаствовать в состязаниях?

– Я действительно первый раз здесь, – кивнул Бельфеддор. – Приехал же я на торги.

– Хочешь купить прелестную девушку? – поинтересовался юноша.

– Можно и так сказать, – уклончиво ответил Бельфеддор.

– А может быть, мальчика? – с улыбкой продолжал спрашивать Аттаннасис.

«Ну, и кто тут гнусный развратник?! – насмешливо воскликнул демон. – У этого молодкоса у самого в мозгах полный разврат!»

– Прости, – поспешно извинился юноша, заметив, с каким отвращением передернулся Бельфеддор. – Вижу, ты не разделяешь страсти некоторых господ к необычным плотским наслаждениям. Честно говоря, я тоже этого не понимаю, хотя и осуждать не могу. Всяк развлекается, как ему хочется.

– Только согласия рабов на такие развлечения никто не спрашивает, – мрачно заметил Бельфеддор.

– На то они и рабы, – философски ответил Аттаннасис. – Но ты приехал слишком рано, до торгов еще уйма времени. Если ты не против, можем пока прогуляться. Ты очень занятый собеседник, и я с удовольствием составлю тебе компанию.

Бельфеддор не стал возражать и в сопровождении юного аристократа отправился бесцельно бродить по площади. Мрак последовал за хозяином.

– У тебя отличный жеребец, – отметил Аттаннасис.

Обернувшись, он хотел было погладить морду гиппариона, но Мрак угрожающе приподнял верхнюю губу, обнажив крупные зубы, и издал странный горловой звук, похожий на рычание. Аттаннасис испуганно отдернул руку.

– Отличный жеребец, – повторил он, чуть побледнев. – Теперь мне понятно, почему ты не держишь его за повод. К такому ни один конокрад не подступится.

– Что происходит там? – спросил Бельфеддор, кивком указав на группу людей, толпившихся вокруг площадки, откуда слышался звон клинков.

– Какие-то вояки выясняют, кто из них лучше владеет мечом, – равнодушно пояснил юный спутник. – Если желаешь, можем взглянуть. Тебе, как воину, это, наверное, будет интересно.

Оба присоединились к толпе зевак, наблюдавших за поединком двух бойцов. На площадке сошлись аристократ средних лет в алой тунике и молодой воин в легком ярко-синем плаще на плечах, с вышитыми золотыми змеями – несомненное свидетельство принадлежности к легиону императорской гвардии. Соперники сражались легкими короткими мечами. Зрители подбадривали бойцов восторженными криками, громко комментировали каждый выпад, да и сами бойцы между делом обменивались шутками и замечаниями.

– Это бой не насмерть? – осторожно уточнил Бельфеддор у своего спутника.

– Конечно, нет, – ответил Аттаннасис. – Просто эти двое хотят выяснить, кто из них лучше владеет оружием. Наверное, поспорили на большие деньги. Убивать друг друга они не собираются.

Бельфеддор с интересом наблюдал за поединком. Противники обменивались столь стремительными легкими ударами, не уступая один другому, что Бельфеддор не взялся бы предположить, кто из них окажется победителем. У демона же сложилось свое мнение о бойцах.

«Слабаки, – пренебрежительно фыркнул он. – Мы могли бы в два счета уделывать их обоих, вместе взятых.»

– Гвардейцу не устоять, – произнес Аттаннасис.

– Почему ты так думаешь? – поинтересовался Бельфеддор.

– Просто слишком хорошо знаю его противника. Это же сам Сеттес. Он владеет любым видом оружия, как сам бог войны. Еще никто не побеждал его в поединках. Ему и в скачках нет равных, ведь в его конюшнях лучшие гиппарионы.

– Он воин? – спросил Бельфеддор.

– Любой ногарский аристократ считается воином, – ответил Аттаннасис. – Но в армии императора он не служит, если ты это хотел узнать. Как говорят в нашей среде, он просто достойный человек. Хотя, по большому счету, достоинство многих аристократов измеряется лишь состоянием казны.

– А Сеттес богат?

– Сеттес очень богат. Ему принадлежит много кораблей, он владеет домами и мастерскими в Отоммосо, у него есть пахотные земли и виллы в Старой Ногаре. А сколько у него рабов, не сосчитать.

В этот момент Сеттес вдруг изменил тактику. Очевидно, до этого времени он просто запутывал противника, играл с ним. Несколько ложных выпадов, резкое отступление, стремительная контратака – и вот уже меч гвардейца со звоном упал на плиты, а острое клинка Сеттеса оказалось у сердца соперника.

«Ловко, – одобрил демон. – Но до нас этому аристократишке далеко.»

Сеттес рассмеялся, похлопал побежденного противника по плечу и небрежно бросил свой меч подбежавшему рабу.

– Больше мы здесь ничего интересного не увидим, так что можем идти дальше, – сказал Аттаннасис своему спутнику. – Собственно говоря, ничего интересного и не произошло, просто случилось то, что и должно было случиться. Абсолютно предсказуемый результат.

– Вижу, ты не любитель подобных зрелищ, – заметил Бельфеддор, последовав за юношей.

– Сначала это бывает забавно, но потом приедается, – пояснил Аттаннасис. – Я здесь бываю каждую ночь и достаточно насмотрелся таких поединков.

– А чем занимаешься ты, Аттаннасис? – поинтересовался Бельфеддор. – Конечно, если это не секрет.

– Никаких секретов. Я всего лишь бедный студент университета при Центральном храме.

– Бедный? – переспросил Бельфеддор, бросив выразительный взгляд на золотой перстень Аттаннасиса.

– Относительно бедный, – сделал оговорку юноша. – Если сравнивать с такими людьми, как Сеттес. У моего отца скромное поместье близ Аттоко и всего пятьдесят рабов. Средств едва хватило, чтобы оплатить учебу. Отец и мать не хотели, чтобы я стал воином, как старшие братья. Честно говоря, меня и самого карьера военного совсем не вдохновляет.

– Значит, ты будущий жрец? – уточнил Бельфеддор.

– Именно так, – подтвердил Аттаннасис. – Конечно, я вряд ли смогу достичь высокого положения. На этом поприще, как и в мирской жизни, все решают удачные интриги и поддержка влиятельных лиц, а вовсе не усердие в науках и приверженность культу. Но меня устроит и звание простого жреца в одном из столичных храмов, здесь или в Аттоко. Я не требую от жизни слишком многого, лишь бы тепло было, сытно и спокойно.

«Ты хотел для нас примерно того же, – ехидно заметил демон. – Посмотри, мы могли бы стать вот такими же малахольными.»

– Храм способен дать то, что тебе нужно в жизни? – спросил Бельфеддор.

– Безусловно, – кивнул Аттаннасис. – Спокойная размеренная жизнь храмового служителя культа – это все, что мне нужно. Мне нравится наблюдать со стороны за мирской суетой, но нет никакого желания окунаться в ее водовороты. Тебя это удивляет? – спросил он, заметив недоумение во взгляде спутника.

– Честно говоря, очень, – признался Бельфеддор. – Мне было бы понятно твое желание, будь ты седым старцем, но ты так молод...

Аттаннасис рассмеялся, как, наверное, умел только он – по-детски весело и беззаботно. Даже не верилось, что именно он несколько мгновений назад столь серьезно рассуждал о собственном будущем. Его задорный детский смех был так заразителен, что Бельфеддор не смог не улыбнуться.

«Смотри, дружище, какая шикарная женщина! – ворвался в сознание Бельфеддора возбужденный голос демона. – Да ты не туда смотришь, балда, поверни башку в другую сторону.»

Повернувшись, Бельфеддор действительно увидел красивую молодую женщину – видимо, знатную ногарскую аристократку. На мраморных плитах стоял позолоченный паланкин, его шелковые занавеси были раздвинуты, внутри же гордо, как царица, восседала она в парчовых одеждах. Ее черные блестящие волосы свободно распускались по плечам, как у простолюдинки, но на голове сверкала золотая диадема с вкраплениями изумрудов и рубинов, на открытой груди красовалось алмазное ожерелье, изящные ручки отягощали золотые узорчатые браслеты, пальцы унизывали кольца и перстни.

Паланкин окружало множество людей, двое даже припали на одно колено у самых носилок, один держал в руках серебряное блюдо с фруктами, другой – поднос с хрустальным кубком, наполненным янтарным вином. Женщина кокетливо улыбалась, слушая речи окружавших ее людей, изредка ее ручка, сверкавшая золотыми украшениями, протягивалась к фруктам или вину.

Позади паланкина Бельфеддор разглядел еще одну женскую фигуру, закутанную в длинный плащ. Лицо женщины по самые глаза скрывал полупрозрачный платок, а волосы покрывал капюшон. Казалось, она внимательно следит сразу за всеми, кто окружает паланкин аристократки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.